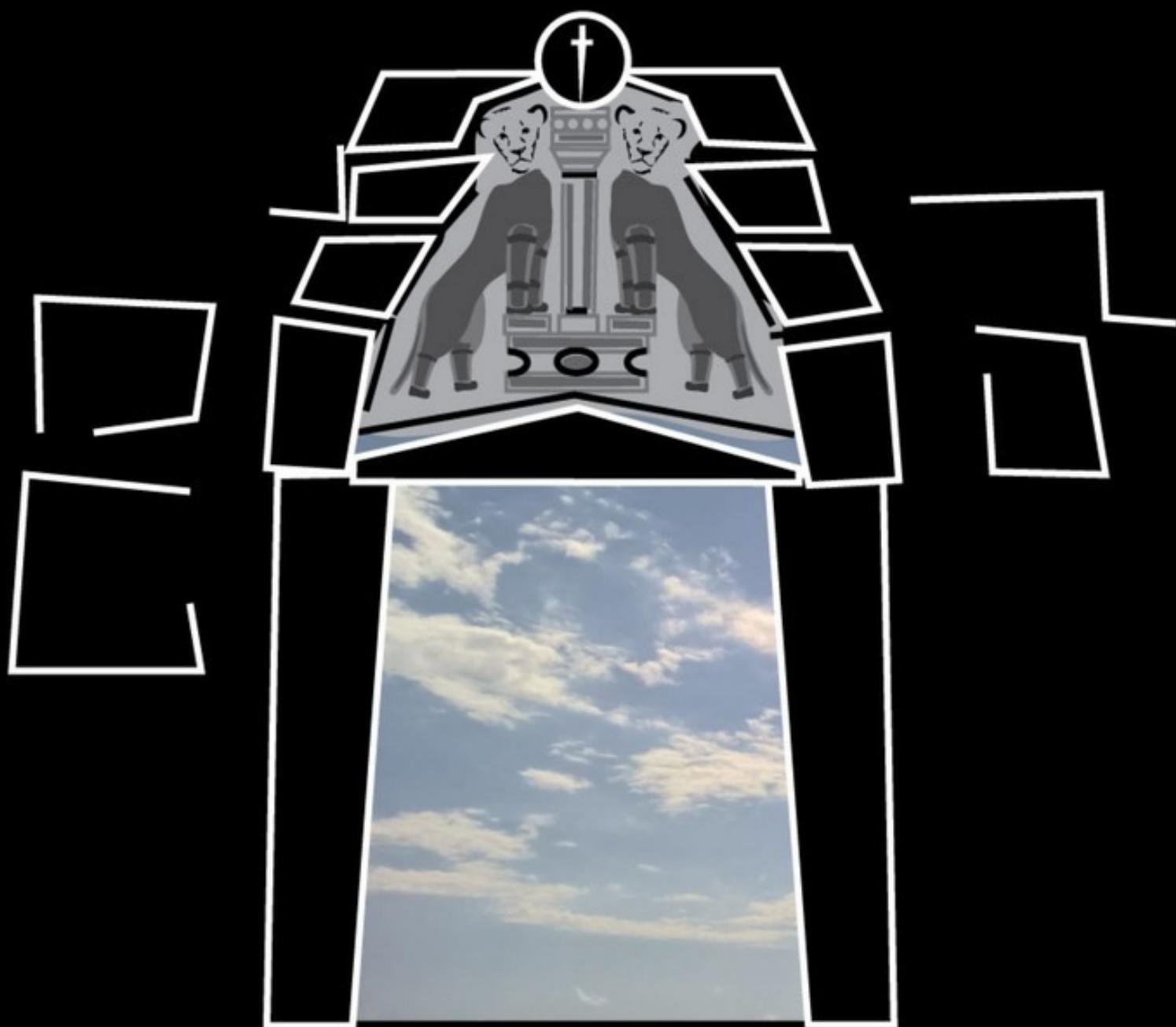

АЛЕКСАНДР К. БАРБАРОССА

Секрет Метеона

Александр Барбаросса

Секрет Метеона

«Издательские решения»

Барбаросса А. К.

Секрет Метеона / А. К. Барбаросса — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900398-0

Николая, приговоренного к принудительному криосну, пробуждают раньше срока. Отныне такое наказание признано неэффективным. Как альтернативу «разбуженным» предлагают участие в гладиаторских боях в рамках реалити-шоу «Колизей». Николай обучается боевым искусствам, выступает на арене. Однажды охрана ловит «беглеца», который, как выясняется, попал сюда из эпохи Троянской войны. В прошлом ученый-историк, Николай никогда не поверил бы в это, но новый знакомый убеждает его и предлагает бежать

ISBN 978-5-44-900398-0

© Барбаросса А. К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Секрет Метеона

Александр К. Барбаросса

© Александр К. Барбаросса, 2017

ISBN 978-5-4490-0398-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю эту книгу моим дорогим жене и сыну.

Глава 1

Глаза наконец-то немного приоткрылись, но раскрыть их до конца сил не было. И еще это мешала сделать странная вязкая жидкость, которая будто склеила веки. Сквозь ресницы проникал свет и непонятные тени. В уши били басами глухие нечеткие звуки, как если бы на голову одели ведро. Вдобавок чувствовалось, как прохладная жидкость обволакивает тело. Очень трудно было осознать, что происходит в данный момент. Обессиленный попыткой открыть глаза Николай отключился. Он лежал в хромированной открытой капсуле, одной из многих, рядами стоящих в большом зале. Стены и пол помещения были отделаны белым кафелем, как в операционной. Над его капсулой склонились двое мужчин в медицинских масках, халатах и шапочках, наблюдая за бесцветным гелем, убывающим через отверстие у ног лежащего перед ними голого тела. Один из наблюдателей щелкнул пальцами по темному электронному табло, на котором замерли красные цифры «098/02/12», и произнес:

– Интересно, зачем он им понадобился? Всего два года осталось, даже меньше – год и десять месяцев. Дали бы долежать уже...

Второй пожал плечами:

– Вероятно, хотят пораньше отпустить. Может быть, вскрылись смягчающие обстоятельства...

Первый со смехом прокомментировал:

– Мишка, скажешь тоже! Чего ему смягчить можно? Он девяносто восемь лет из своих ста здесь пролежал. Если бы его через десять или двадцать, да хотя бы и пятьдесят лет разбудили, было бы понятно. А так... Никакой разницы!

Мишка заметил:

– Гена, вроде бы криогель стек весь. Прикрой капсулу, я включу душ.

Его собеседник закрыл почти до конца крышку капсулы, похожей на кабину истребителя, и из отверстий на тело Николая полилась сильными струями вода. Затем мужчины перевернули тело на живот, и Мишка снова включил душ. Его товарищ молча наблюдал за процессом, сделав шаг в сторону. Когда вода перестала течь, он нажал на кнопку рядом с табло, и в капсулу пошел теплый воздух из фена. Потом они снова перевернули Николая на спину и просушили его с другой стороны. Мишка открыл капсулу и дотронулся до руки лежащего:

– Вроде сухой... Ну что, транспортируем?

Гена согласно кивнул и нажал на третью клавишу на пульте. Верх «кабины истребителя» приподнялся, полностью открыв тело, которое лежало в неглубоком лотке на колесах. Мишка взялся за ручку и потянул каталку на себя, а напарник ухватился с другой стороны. Они покатали тело по широкому, ровно освещенному металлическому коридору. Мишка, бесшумно двигаясь, продолжил прерванный разговор:

– Все равно, не скажи! Думаю, этому Гомельскому повезло. Скольким заключенным ты по особому распоряжению разряд сквозь капсулу пропустил? А вот его велели разморозить...

Гена равнодушно пожал плечами и промолчал. Мишка остановился у едва заметного проема в стене и нажал на светящийся тусклым голубым неоновым квадратик. Проем бесшумно раскрылся, и они вкатили каталку внутрь небольшого помещения. Стены там были металлические как в коридоре. Напарники переложили Николая на кровать и накрыли его простыней. Гена достал из халата хромированный медицинский пистолет и ввел инъекцию физраствора в руку Николая. Неожиданно в проеме возник еще один мужчина, тоже с закрытым белой маской лицом. Он молча прошел и положил на стул рядом с кроватью комплект одежды оранжевого цвета, полотенце и бокс с мылом, зубной щеткой и пастой. Мишка ухмыльнулся и заметил:

– А зачем ему такие древние приспособления? И где вы их откопали вообще?

Вошедший повернулся в его сторону и ровным голосом ответил:

– Заключение должен постепенно приобщаться к современным средствам гигиены. Сначала ему необходимо адаптироваться, а для этого нужно начать с привычных для него вещей. Понимаете, санитар Михаил?

Мишка не унимался:

– Конечно, понимаю, санитар Прокопий! Я спросил, где вы откопали такие старинные вещи как зубная щетка и паста? Неужто из какой гробницы достали?

Его напарник прыснул от смеха, а санитар Прокопий, пропустив мимо ушей колкость, ответил:

– 3D-печать – чтобы сделать щетку, а паста – современный состав, который залили в сосуд. Знаете, как он назывался раньше?

Мужчины молча ждали. Тогда Прокопий выпалил:

– Тюбик!

И засмеялся неестественным механическим смехом:

– Ха-ха-ха!

Затем он молча удалился. Мишка пробормотал ему вслед, явно передразнивая:

– Санитар Прокопий... Интересно, кто ж тебе имя такое придумал?

Гена заметил:

– Ну чего ты его подначиваешь? Знаешь, какие они обидчивые? Эта излишняя эмоциональность сказывается почему-то именно в негативе.

Мишка ответил:

– Не люблю я их! Железяки они, хоть и интеллектуальные. Не зря их называют искусственный интеллект. И ключевое слово здесь – искусственный. Понимаешь, о чем я говорю, Гена?

Собеседник парировал:

– Однако бабы тебе нравятся с искусственным интеллектом!

– О, это совсем другое! Выбрал темперамент, ввел настройки под себя и вперед! А с обычной можно с ума сойти! Мне дед рассказывал, как он с моей бабкой жизнь прожил. Кошмар! Как вот ты со своей живешь? Все устраивает?

Гена согласился:

– Конечно, проблем хватает! Живая женщина – это тебе не робот. Но скажи, тебе не бывает страшно, что у твоей Зинки однажды замыкание где-то случится, и пристрелит она тебя без колебаний? Или придушит. Просто потому, что она машина...

Мишка внимательно и серьезно посмотрел на собеседника:

– Поэтому, Гена, каждые полгода я стираю Зинаиде память до заводских настроек!

Оба санитара громко загоготали. Убедившись, что привезенный мужчина все еще спит, они покинули помещение вместе с ненужной теперь каталкой. Коллеги вернулись в зал с капсулами и поставили каталку на ее место. Гена закрыл «кабину истребителя» и извлек из кармана халата металлическую трубку размером с ладонь. Он что-то нажал на ней, и прямо перед ним возникла цветная голограмма бородастого крепыша, тоже одетого в белый халат. Бородач стоял, заложив руки за спину. Гена произнес:

– Виктор Сергеевич, докладываю! Заключение Гомельский разморожен и помещен в одиночную камеру номер 26.

Бородач молча кивнул и неожиданным фальцетом поинтересовался:

– Как он?

– Визуальных изменений не замечено. В себя пока не пришел.

Виктор Сергеевич выслушал его и пробормотал, будто отвечая кому-то еще:

– Ну да, конечно, почти сто лет... Я думаю, ему потребуется дня три минимум. А там посмотрим.

Он, продолжая держать руки за спиной, сделал несколько шагов вправо и вернулся на прежнее место, явно поглощенный какими-то своими размышлениями. Затем, как будто вспомнив про Гену, обернулся:

– А что с двадцать первым, двадцать вторым и так далее? Сколько их там? Десять, кажется?

– Да, десять заключенных. Еще не приступали, занимались двадцатым, ну, Гомельским этим. Уже начинаем. Это недолго.

Виктор Сергеевич кивнул:

– Хорошо, не затягивайте!

Голограмма исчезла. Гена повернулся к Мишке:

– Пошли! С двадцать первого и начнем. И закончим тридцатым.

Он оглянулся и, понизив голос, сказал:

– Тридцатый – это последний политический. Дальше идут одни бандиты и мошенники. В общем, всякий сброд. И из всех политических разморозили только Гомельского! А, начиная с тридцать первого, разморозка будет чуть ли не через одного.

Мишка сделал многозначительное лицо:

– Санитар Прокопий мог бы сейчас тебе сказать, что это не твоего ума дело, Гена. И я бы с ним согласился в этом случае. Ты у Виктора Сергеевича поинтересуйся еще!

Он подошел к капсуле с номером 21 и заглянул сквозь стекло. Внутри, полностью погруженный в прозрачный бесцветный гель, лежал голый мужчина. Мишка извлек из кармана халата небольшую белую коробочку и подсоединил ее кабель к капсуле. Затем он похлопал ладонью по «кабине истребителя» и произнес:

– Прощай, номер двадцать один!

Он нажал на клавишу в центре белой коробочки, и внутри капсулы вдруг ослепительно вспыхнула синяя молния. Гель тут же окрасился в густой неоновый-фиолетовый цвет. Гена тем временем произвел такие же действия с соседней капсулой. Через пятнадцать минут все десять капсул стали фиолетовыми. Неожиданно дверь «операционной» распахнулась, и на пороге возник Виктор Сергеевич. Он быстро окинул взглядом фиолетовые капсулы и обратился к сотрудникам:

– Отлично! Молодцы!

Виктор Сергеевич подошел к Гене и сказал:

– Давай распишусь в ведомости и пошли обедать. Только избавьтесь от остатков.

Он ткнул большим пальцем в подставленный планшет и зашагал к выходу. Гена и Мишка принялись нажимать на клавиши капсул, от чего все полости заволкло паром. Потом послышался звук душа, а когда пар рассеялся, стенки десяти капсул уже сияли чистым хромом. Словно там никогда никого и не было.

В буфете несколько столов занял персонал охраны. Медиков, кроме начальства, не было. Напарники присоединились к Виктору Сергеевичу, который сосредоточенно доедал бифштекс. Мишка хотел что-то спросить, но начальник жестом попросил не беспокоить его. Санитары молча принялись поглощать свой обед. Расправившись с бифштексом, Виктор Сергеевич произнес:

– Когда первая двадцатка окончательно придет в себя, с визитом придет генерал или кто-то еще.

Он выразительно поднял глаза вверх, давая понять, что ранг у будущего гостя очень высокий. Гена поинтересовался:

– А куда их потом, этих пробужденных?

– Честно говоря, не знаю. Прислали список тех, кого надо разбудить и тех, кому разряд в капсулу. И все.

Виктор Сергеевич отодвинул от себя пустую тарелку:

– Ладно, мальчики, пообедайте и за работу.

Шеф ушел, а напарники, склонившись над тарелками, зашептались:

– Все равно, должна быть логика в методике выбора.

– Ну да, согласен. Посмотри, им всем нет сорока. Только Гомельскому сорок один. В основном все преступники, рецидивисты. И только Гомельский политический.

– А он точно политический?

– Вроде как да, что-то против власти, если не ошибаюсь.

– Да за это сто лет не дают!

– Ну, не знаю! Может и не политический! Ну его к черту!

Мишка взял со стола пустую банку от Кока-Колы и сплющил ее в ладонях. Гена внимательно наблюдал за его действиями. Товарищ начал оглядываться, кого-то выискивая. Наконец, он удовлетворенно хмыкнул, увидев санитара Прокопия, разговаривавшего с Виктором Сергеевичем, которого остановил на пороге столовой. По раздраженной интонации было заметно, что бородач тоже не в восторге от этого разговора. Мишка ухмыльнулся:

– Надо спасти начальника...

Он извлек из кармана крохотный, сантиметров десять в длину, дрон и вставил в специальный зажим сплюсненную жестянку. Затем на крохотном дисплее он набрал координаты цели и полетное задание дрона. Гена, усмехнувшись, заметил:

– Доиграешься ты, Мишка!

Однако остался сидеть на месте. Мишка отпустил дрона, и тот бесшумно взмыл под потолок столовой, а затем спикировал на голову Прокопия. Когда до цели оставалось около метра, механизм выпустил жестянку, которая со звоном ударилась о металлическую голову Прокопия. Дрон пролетел в открытую дверь столовой и исчез, а Прокопий, воспроизводя запрограммированное возмущение, заголосил:

– Батюшки, да что же это творится! Где это видано, чтобы так поступали с андроидом! Как не стыдно!?

Виктор Сергеевич изумленно уставился на возмущенного Прокопия, но, оценив момент, тут же исчез в дверях. Мишка и Гена с серьезными лицами доедали обед, а санитар Прокопий кричал:

– Я найду того, кто это сделал! Ироды!

Люди за другими столами почти не реагировали на его выкрики, занятые едой. Мишка и Гена, пряча улыбки за медицинскими масками, спокойно покинули столовую.

Глава 2

Память отдавала воспоминания малыми порциями. Настолько малыми, что Николай воспринимал эти видения как короткометражки, которые ему показывают в этом странном кинозале. Постепенно фильмы складывались в историю жизни человека, которого он точно знал, но никак не мог вспомнить его имя. Фильмы удлинялись, а имя человека вспомнить не удавалось. То этот знакомый, совсем маленький, спотыкаясь, ловит сачком бабочек, а двое других и тоже очень знакомых людей – мужчина и женщина – весело смеются. То герой фильма, но уже немного старше, катается на велосипеде, и эти двое смеются или улыбаются ему. Их имен он тоже не знал, но, когда они смеялись, ему было хорошо, как и его знакомому на экране. Потом мужчина и женщина перестали появляться в фильмах, а затем вернулась память, но уже не постепенно, а сразу, одним куском. Не было – не было, а потом бах! И все сложилось в растянутую по времени историю жизни человека. Николай осознал, что этот знакомый и есть он сам, ощутив реальность сразу и каждой своей клеткой, будто с головой погрузился в ледяную воду. Память включилась на моменте, когда его привели в большой зал, отделанный белым кафелем, и уложили в капсулу. Николай помнил, как его держали несколько человек, а он выкрикивал им проклятия. Сейчас его обуял ужас. Он не знал, где находится. Странная комната без окон, непонятно откуда идущий ровный свет. Гомельский попробовал шевельнуть рукой – получилось. Постепенно он понял, что может двигаться и, приподнявшись, осмотрелся. Комната без дверей и окон, из мебели только его кушетка и тумбочка рядом, на которой лежит аккуратно сложенная оранжевая одежда. Черт, где он оказался? Что это за место? Может быть, он умер? Вроде бы его должны были усыпить... Николай с трудом, но вспомнил, как судья объявил приговор: «Суд постановил приговорить гражданина Гомельского к высшей мере наказания – принудительному усыплению сроком на сто лет!». Он сел на кушетку, размышляя над словами «сто лет». Это же целый век! Но ведь он не спит, значит его не усыпили! А может быть его помиловали? Николай вскочил с кушетки и закричал:

– Эй, кто-нибудь! Откройте! Эй!

Ответом была гробовая тишина. Николай продолжал кричать. Неожиданно прямо перед ним раскрылась стена, и на пороге появились два мужчины в белых халатах и масках. Один из них спокойно спросил:

– Ну что, пришел в себя? Чего бузишь, а?

Николай сел на кушетку, ошарашенный неожиданностью, и произнес:

– Ребята, скажите, меня не усыпили?

Мужчины переглянулись. Николаю даже показалось, что в глазах одного промелькнуло выражение жалости.

– Ребята, вы почему молчите? Меня же не усыпили до конца?

Гости в халатах молчали. Николай хотел спросить что-то еще, когда в голове вдруг шевельнулась страшная догадка:

– Ребята, меня что, разбудили через сто лет? Умоляю, скажите!

Тот, у которого промелькнула жалость в глазах, ответил:

– Да, пять дней назад мы тебя разбудили. Ты проспал почти сто лет.

– Почти? Сколько я проспал?

– Девяносто восемь лет и два месяца.

Николай по-прежнему сидел на кровати. Он никак не мог уместить в своей голове факт того, что его сон продлился целый век. Не в силах осознать это, он хрипло спросил:

– А моя семья? Что с моей женой и детьми?

Гости пожали плечами:

– Мы не знаем. Спросишь у начальства. Тебя вызовут.

Гомельский взглянул на них с надеждой:

– Хотя бы скажите, какой сейчас год!

Они снова переглянулись, первый кивнул, а второй ответил:

– Две тысячи сто тридцать третий.

Николай замолчал, раздавленный осознанием случившегося. Пришедшие тихо развернулись и вышли, стены сдвинулись, и он опять остался в одиночестве. Затем проход снова открылся, и один из них возник в проеме:

– Если нужно в туалет, там в углу руку к полу приложи!

Николай машинально кивнул, и дверь закрылась. Его захватило ощущение полной растерянности. Выходит, чуда не произошло. Он проспал в криокамере почти сто лет! Жене его было тридцать восемь, а мальчишкам – пять и два. То есть сейчас его жене должно быть сто тридцать восемь лет, а детям сто пять и сто два. Николай зарыдал от отчаяния. Вряд ли наука шагнула за это время настолько вперед, чтобы люди смогли жить так долго. Выходит, его семьи давным-давно нет! Какого черта его разбудили? Зачем ему теперь жизнь? Он же все пропустил. Не видел, как выросли дети, как появлялись и подрастали внуки. Николай задумался: что, если он найдет внуков? Что он им скажет? Да и знают ли они вообще про него? Слезы катились по щекам. Вдруг под потолком отошла в сторону узкая панель, и в открывшемся проёме он увидел небо. По его цвету было понятно, что уже вечер. Из соседней стены бесшумно выдвинулся поднос с тарелками, в которых Николай различил суп и второе. На еду не хотелось даже смотреть. Не отрывая глаз от узкой полоски неба, он лег на кушетку и пролежал так некоторое время. Сон быстро сморил его: сказывались общая слабость и навалившийся жесточайший стресс.

Утром его разбудил мужской голос, который монотонно повторял:

– Заключенный номер двадцать, просыпайтесь!

Николай посмотрел на говорящего. Мужчина в маске и белом халате стоял над его кушеткой.

– Вам необходимо привести себя в порядок – умыться и позавтракать. После этого вы пойдете в администрацию.

Николай поинтересовался:

– Зачем?

– Этого я не знаю.

– А с кем я буду разговаривать?

– Этого я не знаю.

– А где я?

– Вы находитесь в особой тюрьме, а точнее сказать, хранилище для подвергнувшихся принудительному усыплению.

– А какое сегодня число, месяц и год?

– Сегодня 5 марта две тысячи сто тридцать третьего года, четверг.

Странно, но в его ответах Николаю слышалось нечто механическое, неживое. Он спросил вошедшего:

– Вы кто?

Мужчина отступил на шаг и с достоинством произнес:

– Я – санитар Прокопий. Можете обращаться ко мне по имени.

– Хорошо.

Николай поднялся. Ноги еще плохо слушались его. Он огляделся в поисках раковины или умывальника.

– Как мне умыться, Прокопий?

Санитар пояснил:

– Следует прикоснуться к сенсору в углу.

Он вытянул руку, указывая, в каком именно углу нужно искать умывальник. Николай подошел и дотронулся до стены. Незаметные до этого момента панели разошлись в стороны, обнажив небольшую нишу, в которой Николай увидел краны с теплой и холодной водой. Он обернулся к санитару:

– Прокопий, а что надо потрогать, чтобы поесть?

Санитар подошел к другой стене и прикоснулся к ней:

– Пожалуйста!

Николай заглянул через его плечо и увидел еще одну нишу, в которой стояла чем-то наполненная тарелка, металлический сосуд и целлофановый пакет с пластиковыми вилкой и ложкой.

– Спасибо, Прокопий!

– Не за что! У вас тридцать минут, чтобы привести себя в порядок – умыться и позавтракать. После этого вы пойдете в администрацию.

Николай с недоумением покосился на Прокопия:

– Я понял вроде бы.

Прокопий кивнул и, раскрыв двери, вышел в коридор. Оставшись один, Николай подошел к раковине и включил воду. Холодная струя ударила в ладони. Умылся он с удовольствием и даже почувствовал себя лучше. Завтрак удивил его. На вид это была овсяная каша, которую он терпеть не мог с детства, но в отсутствие альтернативы ему пришлось съесть это блюдо. Затем он открыл металлический цилиндр, оказавшийся термосом, и сделал глоток теплой сладковатой жидкости. Собственно, в этот момент завтрак и удивил его. Если, поднявшись с кровати, Николай еле передвигал ноги, то теперь по телу разлилось ощущение, что он владеет каждой мышцей. Усталости как не бывало, только в голове засела печаль, с которой он вчера заснул.

Вероятно, тридцать минут уже прошли, так как невидимые двери распахнулись, и в помещение зашел здоровенный детина в черном комбинезоне, который делал его похожим на астронавта. Он внимательно оглядел Николая с ног до головы и, уставившись ему в глаза, произнес низким голосом:

– Заключение номер двадцать, сейчас мы пройдем в помещение администрации комплекса. Руки за спину!

Николай выполнил приказ. Детина добавил:

– И чтобы без фокусов у меня тут! Ясно?

Николай кивнул. Охранник скомандовал:

– Тогда пошли!

Он вывел Николая в коридор и, периодически указывая направление, повел его через многочисленные переходы. В одном из них были стеклянные стены, и Николай увидел внизу огромный зал, заполненный множеством капсул. Ясно, вот где ему пришлось проспать сто лет. Они спустились по лестнице и пошли по длинному коридору. Николай про себя удивлялся, как удается сделать двери такими незаметными. Наконец, охранник велел ему остановиться. Он нажал на что-то в стене и проговорил:

– Господин полковник, заключение номер двадцать доставлен для допроса!

В ответ стены перед ними бесшумно разошлись, и детина легонько подтолкнул Николая. Гомельский шагнул внутрь и оказался в просторном кабинете с огромными окнами, формирующими стеклянную стену с тонкими перемычками рам, за которой виднелся ухоженный сад. У стены стоял большой стол с внушительным монитором. За столом сидел абсолютно лысый мужчина в такой же черной униформе. Он молча наблюдал за вошедшим. Николай почти физически ощутил его взгляд – изучающий, внимательный и жесткий. Мужчина кивнул охраннику:

– Вы свободны!

Детина щелкнул каблуками, развернулся и исчез в проеме, который сразу же закрылся. Хозяин кабинета взглянул на стоящего Николая и поднялся из кресла. Николай вдруг подумал, что этот человек сильно напоминает ему Фантомаса – злодея из очень старых фильмов, которые он смотрел в детстве. Только у этого Фантомаса голова была не круглая, а немного вытянутая вверх и, уж конечно, не синяя. Заложив руки назад, полковник повернулся к нему спиной и замер у окна. Казалось, он вообще забыл про Николая, поглощенный созерцанием сада за стеклом. Он стоял так минуты две, затем, не оборачиваясь, произнес:

– Садитесь, заключенный!

Николай молча сел на стул. Фантомас обернулся к нему и, неожиданно широко и дружелюбно улыбнувшись, спросил:

– Как спалось, Николай Федорович?

Николай ответил в тон ему:

– Неплохо, только разбудили рано почему-то. Я бы еще пару лет мог подремать.

Полковник сухо улыбнулся, оценив сарказм. Он уселся в кресло и внимательно взглянул на Николая:

– Буду краток, заключенный Гомельский. Программа принудительного усыпления завершена. Большинство тех, кому осталось спать еще какое-то время, не проснутся.

Заметив недоумение в глазах собеседника, полковник пояснил:

– У государства нет средств на содержание преступников в комфортных условиях принудительного сна. Кроме того, доказано, что такая программа неэффективна.

Николай спросил:

– И как теперь будут наказывать?

– Возвращаемся к обычной тюремной системе. Эксперимент закончен.

Он помолчал немного и добавил:

– Ваше преступление потянет на смертную казнь. Так что вы счастливчик, Гомельский!

– А на каком основании вы убиваете заключенных, находящихся в состоянии сна?

Полковник снисходительно взглянул на Николая:

– Да на том простом основании, что они преступники. Родственников у них никаких нет, внукам они вряд ли нужны. Ну, а стране такие разбойники и подавно ни к чему. Понятно?

– Да как вы можете так бесчеловечно поступать?

Полковник откинулся в кресле и ответил:

– Приказ есть приказ. Так решило правительство. А нам приказы обсуждать не положено.

Пока Николай подыскивал слова, чтобы возразить, он продолжил:

– Я не представился. Полковник Метелкин, Главное управление службы исполнения наказаний.

Офицер неожиданно наклонился вперед, облокотившись на стол, и уверенно проговорил:

– В общем так, Гомельский, слушай и не перебивай! Сейчас запускается медийный проект, очень масштабный. И определенному числу заключенных предстоит сыграть там свою роль.

Николай изумленно слушал Фантомаса. Происходящее выглядело полным бредом – провести в криосне почти сто лет и очнуться для того, чтобы принять участие в медийном проекте... Он выдавил из себя:

– Извините, вы сейчас шутите?

Полковник выпучил глаза от удивления и взорвался криком:

– Шучу? Да какие шутки!? Ты что? Знаешь, какие деньги затрачены на этот проект?

Отобрано некоторое число заключенных для участия в гладиаторских боях...

Николай не выдержал и рассмеялся:

– Гладиаторских боях? Вы серьезно?

Полковник выдохнул и продолжил спокойным тоном:

– Да, именно так. Люди хотят зрелищ. Они устали от бесконечных постановочных шоу и сериалов. Им нужна реальная драка без прикрас. С настоящей кровью и смертью.

Николай с сомнением спросил:

– И меня выбрали в качестве гладиатора?

– Да. Тебя выбрали.

– А вас не смущает, что в качестве профессионального бойца и убийцы выбрали историка?

Весь этот идиотский разговор начал сильно надоедать, и Николай вдруг отпустил вожжи:

– Вы совсем идиоты, что ли? Вы не знаете, кто такие гладиаторы? Так вы тогда вовремя меня разбудили, я как историк вам сейчас расскажу!

Полковник Метелкин перегнулся через стол и заорал:

– Закрой хлебало, историк! Ты мне будешь рассказывать, кто ты такой!? Да я лучше тебя самого знаю о тебе все!

Он уселся в кресло и начал что-то нажимать на мониторе, а затем снова повернулся к Николаю:

– Скажи мне, историк, как, например, тебе удалось 29 апреля две тысячи тридцать пятого года нанести несовместимые с жизнью травмы судебному приставу Шувалову? Как это историк смог сломать три ребра судебному приставу Хлебникову и сделать тяжелейшее сотрясение мозга судебному приставу Короткову? Что это за историк, которого удалось скрутить только пятерым приставам?

Он опять перегнулся через стол:

– Молчишь? Я отвечу тогда! Знаешь, что тебя подвело? Ярость. Приставы обидели твою жену, и ты завёлся, уделал трех неслабых мужиков. Твоя ярость упекла тебя за решетку. А здесь ты сможешь безнаказанно демонстрировать свои чувства. Будешь самым собой, и тебе за это ничего не будет. Ни-че-го! Сколько тебе осталось? Год и восемь месяцев? Сумеешь выжить за это время, спокойно откинешься. Никто удерживать тебя насильно по истечении этого срока не станет. Жить будешь наверху. Подумай только – свежий воздух! Покажешь результаты, будет все – деньги, слава, женщины. Хочешь – нормальные, хочешь – андройды.

Николай устало спросил:

– Скажите, я могу узнать, что стало с моей семьей?

Метелкин тут же ответил:

– Конечно. За сто лет все сильно изменилось – данные собраны в единую систему. Набираешь имя и смотришь фото и видео любого человека. Естественно, надо подтвердить свое право, но у тебя проблем с этим нет. Ты же ищешь данные своей жены или детей. Такая же история с кино и музыкой – что угодно за последние сто пятьдесят лет. Поглядишь, как теперь люди живут. Все это будет у тебя в номере...

Николай выслушал агитационную речь полковника и ответил:

– Я ведь не маньяк какой-то, который не может не убивать. А то, о чем вы говорите, вышло случайно.

Полковник притворно улыбнулся:

– Ты кому-нибудь еще это рассказывай, а мне не надо! Я таких как ты за версту чую!

Поняв, что человека в нем видеть никто не собирается, и порядком устав от этого разговора, Николай спросил:

– Я же могу отказаться?

Полковник, недоумевающая, переспросил:

– Отказаться?

Он откинулся на спинку кресла и раздраженно проговорил:

– Конечно, можешь. Тогда снова ляжешь в криокапсулу, мы тебе включим полторы тысячи вольт, и все! Программа закрыта! Для тебя, Гомельский, это единственный шанс выжить. А так, смотри сам...

Вероятно, он что-то нажал, так как двери снова раскрылись, и вошел детина-охранник. Полковник коротко приказал:

– Уведите заключенного!

Николай поднялся, завел руки за спину и направился к выходу. Детина, шелкнув каблучками, молча развернулся для конвоирования. Уже на пороге полковник остановил Николая:

– Гомельский, у тебя есть время подумать над моим предложением до утра. Решай!

На этих словах он кивком показал конвоиру, что они могут уходить. На обратном пути Николай спросил у охранника:

– А мы сейчас под землей?

В качестве ответа он услышал резкий окрик:

– Заключенный, не разговаривать!

Войдя в камеру, Николай подошел к кушетке и вдруг услышал тихий шепот конвоира:

– Под землей. Минус третий уровень.

Гомельский обернулся:

– А как же небо, закат?

– Все искусственное.

Двери закрылись. Николай удивленно посмотрел на узкую полоску неба наверху и сел на кушетку.

Глава 3

Встреча с полковником пробудила воспоминания. Лежа на кушетке, Николай снова переживал в подробностях время перед тем, как он угодил в тюрьму. Началось с того, что неожиданно для всех власти Москвы решили устроить массовое переселение. Жильцам мегаполиса предложили переехать под землю. Жилплощадь пообещали увеличить аж в два раза.

– Это гораздо лучше того, что есть у вас сейчас!, – уверял всех тогдашний градоначальник, – Никого не обидим!

Люди возражали:

– Не поедем! Не хотим жить без солнца и воздуха!

Мэр поддерживал:

– И не будете! Как можно!?! У вас будет отличное искусственное солнце на каждом уровне! И воздух будет изумительный! Знаете, какая система фильтрации у наших воздухонагнетателей? Будет гораздо лучше, чем на поверхности. Вам понравится! А старые дома мы снесем и устроим парки, чтобы по выходным москвичи могли гулять там с детьми. Если, конечно, вы захотите выйти из настолько комфортного слоя обитания.

Многие соглашались, ведь жить в просторной квартире хорошо. В реальности оказалось, что никаких парков никто строить не собирался. Некоторые расселенные дома снесли и построили на их месте современные высокодоходные здания – офисные и торговые центры. Цены на землю на поверхности достигли заоблачных высот. Люди роптали, но до противостояния не доходило. К зданию, в котором жил Николай с семьей, подобралась не сразу, но довольно скоро. Ни жена Оля, ни он сам не хотели переезжать. Что за ерунда – жить под землей! Но для несогласных у мэрии был свой вариант решения проблемы – по принятому закону расселяемых обязали выразить свое согласие на предлагаемое жилье в течение тридцати дней, по истечении которых судебные приставы получили право насильно освободить помещение. Гомельский и еще несколько соседей отказались переезжать, и через тридцать дней нагрянули приставы. Николай сам открыл им дверь. Вошли трое мужчин в черной форме судебных исполнителей. Объяснения, что они не хотят уезжать отсюда, ни к чему не привели. Жена выкрикнула:

– Убирайтесь! Мы никуда не поедем!

Не обращая внимания на Ольгу, приставы стали снимать с вешалки висящую там одежду и бросать ее на пол. Ольга подлетела к ним, но один из приставов вдруг резко оттолкнул ее так, что она упала. Николай молча подскочил к исполнителю и попытался оттащить его от одежды. Завязалась драка. Собственно, сам Гомельский плохо помнил подробности, но со слов потерпевших выходило так, что он схватил стул и разбил его о голову пристава, отчего тот сразу упал. Двое других пытались защищаться, но, повалив на пол одного, Николай схватил обидчика Ольги и броском перекинул его через себя. По нелепому стечению обстоятельств получилось, что потерявший равновесие пристав всем весом налетел на огромное окно. На беду стекло не выдержало силы удара, и судебный исполнитель вывалился из окна двадцать девятого этажа. Николай накинулся на пытавшегося встать пристава и несколькими ударами ноги заставил его снова лечь на пол. Естественно, увидев лежащий на земле труп коллеги, на подмогу поспешили еще несколько исполнителей. Бешено сопротивлявшегося Николая скрутили пятеро судебных приставов. Дело передали в суд, приговор был вынесен самый строгий. И вот он здесь... Николай вдруг вспомнил вопрос следователя:

– Ведь вы же просто могли уехать! Почему вы не сделали этого? Как же вы дошли до того, чтобы не повиноваться указам властей?

Николай, задерганный потерей работы и отчаянными поисками новой, был на жутком взводе в течение нескольких лет. Неожиданное распоряжение мэрии застало его и Ольгу врасплох. Во-первых, они действительно не хотели уезжать – школа и детский сад рядом, зеле-

ный район. А во-вторых, уже тогда стало ясно, что предложение мэрии оказалось аферой. И, конечно, тот факт, что эти люди вели себя столь бесцеремонно, говорил о безграничной уверенности в своей безнаказанности. Никто не предполагал, что может дойти до принудительного выселения. И Николай ответил следователю:

– Знаете, очень трудно оставаться человеком, если другие тебя таковым не считают. Если они подумали, что достаточно лишь одного их приказа, то в моем случае они сильно ошиблись.

В результате его приговорили к высшей мере наказания – принудительному усыплению на сто лет.

Гомельский пошевелился на кушетке и встал. Прошёлся по камере и долго смотрел на искусственное небо в узкой полоске под потолком. Черт! Куда же пришло это общество за сто лет!? Живут под лучами ненастоящего солнца по прихоти тех, кто оказался хитрее. Хитрее ли? А может быть, просто безжалостнее и ненасытней? Как можно свой собственный народ загнать, словно крыс, под землю? Ведь те, кто это придумал или уже, вероятно, их наследники, живут наверху и снимают барыши с украденных у людей неба, солнца и воздуха. Он, ставший заложником этой несправедливости, теперь сидит в камере, спустя сто лет. Семья Николая исчезла, а ему судьба уготовила новое испытание. Теперь Гомельскому предлагают убивать людей на потеху публике! Мог ли он подумать тогда, с интересом разглядывая меч-гладиус во время школьной экскурсии в музей, что через много лет ему предложат взять его в руки полковник Метелкин? Все-таки жизнь полна абсурда!

Лицо горело. Николай открыл нишу с кранами к умывалю. Стало немного легче. Он снова лег на кушетку. Что же ему делать? В голову лезли воспоминания. Перед глазами стояла их квартира, доносился гомон детей, которые играли рядом со шкафом, забитом художественной литературой и книгами по истории. На одной из полок стояла небольшая медная статуэтка Будды. Ее нашел в монгольской пустыне Гоби прапрадед отца. Фигурку передавали из поколения в поколение как величайшую семейную реликвию. С годами она стала настоящим предметом антиквариата и, вероятно, даже могла стоить немалых денег. Для Гомельского ее ценность состояла в том, что статуэтка была с ним всегда, сколько он себя помнил: он спал, учил уроки, рисовал, читал, а маленький медный Будда бесстрастно взирал на происходящее. Вероятно, у каждого человека есть такая вещь, которая, как невидимая ниточка в прошлое, возвращает в детство. И Николаю становилось спокойнее каждый раз, когда он брал фигурку в руки. Даже сейчас, представив статуэтку, он почувствовал, как понемногу успокаивается.

Лежа с закрытыми глазами, он скорее почувствовал, чем услышал, как раскрылись двери. Николай сел и огляделся. Вокруг никого, но проход остался открытым. Гомельский осторожно поднялся и, подойдя к проему, высунул голову в коридор. Пусто. Он вышел из камеры и пошел наугад направо. Добравшись до поворота, он снова осторожно выглянул за угол. Перед ним был открытый проход в сад. Николай узнал в нем тот самый сад, который видел из кабинета полковника. Где-то журчал незаметный ручей, доносился свист птиц. Николай шел по саду и вдруг заметил лавку. На ней спиной к нему сидел мужчина. В этой фигуре Гомельский сразу узнал своего отца, но все же, немного сомневаясь, спросил:

– Папа?

Мужчина обернулся к нему с улыбкой:

– Привет, Коля! Давненько не виделись. Садись, сынок!

Обрадованный встречей Николай сел рядом:

– Привет, папа!

Отец ласково посмотрел на него и спросил:

– Ну, как ты?

Николай присел рядом и обвел глазами сад:

– Да как-то не очень... Похоже на тупик...

Отец задумчиво посмотрел на него и произнес:

– Помнишь, мы когда-то читали с тобой «Рассказы Южных морей»?

– Да. Джек Лондон.

– Точно. Там была история про таитянку, кажется, которую ураганом унесло в океан. Она плыла одна-одинешенька среди волн, на нее напала акула, но она боролась и выжила.

– Да, папа, помню. Была такая история...

– Вот. Я это к тому, что нельзя сдаваться, сынок! Это очень важно... Понимаешь? Если есть малейший шанс выбраться из шторма, надо хвататься за эту возможность хоть руками, хоть зубами!

Николай взглянул на отца. Тот улыбнулся ему:

– Теперь иди! Рано тебе еще со мной тут на лавочке сидеть.

Николай послушно поднялся и пошел в сторону здания. За стеклом он увидел полковника Метелкина, который смотрел в окно, но его не замечал. Сзади донеслось:

– Помни, хоть руками, хоть зубами!

Николай быстро вернулся в камеру и лег на кушетку. Двери бесшумно закрылись, и перед глазами вдруг появился тот судебный пристав, о голову второго он разбил стул. Пристав медленно шел по коридору. Он был в одежде римского легионера – в кожаном панцире с бронзовыми пластинами и тунике. Его тупое лицо ничего не выражало. На голове белела повязка, а шлем он нес на полусогнутой руке. Поравнявшись с дверью в камеру, пристав-легионер остановился и, повернув голову в сторону Николая, медленно и торжественно произнес:

– *Lupus non mordet lupum!*¹ *Per aspera ad astrum*², Коля!

Он помолчал и вдруг громко захохотал...

От его смеха Николай открыл глаза. Черт, ну и сон! Еще окруженный образами из видения, Гомельский попытался зафиксировать в памяти все, что он видел. В голове одновременно звучали слова отца и смех пристава-легионера. Николай посмотрел на полоску окна – темно, ночь. Он подумал, что утром надо будет дать ответ полковнику, но, не успев определить, каким именно станет его решение. Сон снова навалился на него.

¹ Волк волка не кусает (лат.)

² Через тернии к звездам (лат.)

Глава 4

Утро началось с появления санитара Прокопия.

– Доброе утро, заключенный номер двадцать!

Николай поднялся:

– Доброе утро, Прокопий!

Санитар положил на край кушетки небольшой цилиндр:

– Полковник Метелкин просил передать вам это. Для активации прикоснитесь пальцем к любому из торцов. Перевернуть страницу можно словом «далее».

Он удалился, а Гомельский, быстро умывшись, взял цилиндр в руки и дотронулся пальцем до правого торца. Перед ним тут же возникла голограмма документа. Вчитавшись, Гомельский понял, что перед ним текст соглашения на участие в проекте «Колизей», том самом, о котором говорил полковник. Организаторы обязуются кормить и тренировать его в течение одного года и десяти месяцев, по истечении которых он получает свободу. В обмен заключенный Гомельский обязуется участвовать в гладиаторских боях, организованных в рамках проекта. Главным условием контракта было то, что организаторы не несут никакой ответственности за его возможную смерть или увечья во время участия в проекте. Ознакомившись с документом, он сел на кушетку и задумался. В нижней части голографического изображения светилась пиктограмма «подписать». Николай вспомнил свой сон и равнодушно подумал:

– К черту все! Не хочу обратно в капсулу!

Гомельский пальцем дотронулся до надписи, которая после его прикосновения тут же превратилась в «документ подписан». Голограмма исчезла. Николай подошел к нише с едой и прожевал найденный там бутерброд с ветчиной. Минут через десять вновь появился санитар Прокопий:

– Мне нужно забрать у вас холодильник.

Николай вопросительно взглянул на Прокопия, который пояснил:

– Это устройство голографической почты – холо-док.

Гомельский молча протянул ему цилиндр. Прокопий удалился, но вскоре в камеру вошел вчерашний детина-охранник:

– Заключенный номер двадцать, на выход!

Николай поднялся и с заложенными назад руками покинул камеру. Охранник привел его в большой зал, в котором уже находились несколько десятков мужчин, сидящих на полу. По большей части люди молчали, время от времени озираясь по сторонам. Иногда раздавались негромкие голоса. Периметр помещения был оцеплен охранниками в черной форме. Один из них разомкнул ряд, давая Гомельскому пройти внутрь круга. Он сел на первое попавшееся свободное место и огляделся. В основном, его окружали недавно разбуженные, как он сам, люди, которые смотрели в одну точку, все еще пребывая в лапах последствий длительного криосна. Своими энергичными голосами выделялись те, кто пришел в себя первыми. Справа, опираясь спиной на стену, сидел и безучастно смотрел вперед здоровенный парень лет двадцати пяти. Время от времени он сжимал и разжимал огромные кулаки и бормотал что-то нечленораздельное. Слева в такой же позе присел широкоплечий, голый по пояс десантник. Николай так решил из-за его татуировки на плече – парашют и крылья. Оцепление периодически размыкалось, впуская вновь прибывших в круг. Внутри вошел высокий крупный мужчина в униформе заключенного и осмотрелся. Затем он уверенно направился к десантнику и, сев перед ним она корточки, негромко проговорил:

– Эй, десантура, подъем!

Десантник никак не реагировал. Тогда сидевший мужчина взял его за подбородок и позвал:

– Хорош спать, Муха!

Десантник будто ждал этого. Он пошевелился и уже осмысленным взглядом посмотрел на человека перед ним. Не очень уверенно спросил:

– Бизон, ты что ли?

– Я!

– Ого! Не ожидал я встретить тебя!

Бизон сел рядом и хмуро отозвался:

– А вот встретились!

Их разговор прервался, так как вдруг раздался голос, объявивший следующее:

– Заключение! Сейчас будет проведена вакцинация!

Тут же появились санитары с медицинскими пистолетами в руках. Охранники построили заключенных в очередь, которая довольно быстро продвигалась. Николай, стоя позади десантника и его знакомого, невольно подслушал их разговор:

– Бизон, что это за вакцинация?

Бизон тихо отозвался:

– Никакая это не вакцинация. Это нас чипуют.

– Как это?

– Я тут с санитарями перетер немного. В общем, в руку запускают специальный чип, который поможет им отследить тебя на раз. Но без этого никак. Пока никак.

Гомельский, стоя в ожидании «прививки», задумался. Вот какое будущее наступило! Все под контролем. Все под колпаком. Когда подошла его очередь, он протянул руку санитару, который приставил к предплечью пистолет. Руку пронзила короткая острая боль, но уже через секунду она прошла. Николай снова присел спиной к стене. Едва процедура завершилась, голос в динамиках приказал:

– Заключение! Построиться!

Охранники тут же начали формировать из присутствующих колонну по двое, после чего из динамиков прозвучало:

– Охрана, конвоировать заключенных к посадочной платформе!

Колонна начала движение по коридорам тюрьмы. Рядом с Николаем шагал угрюмый невысокий здоровяк. Он сопел и что-то бормотал себе под нос. Минут через пять колонна остановилась в длинном коридоре. Спереди раздавались команды охранников. Понемногу стали продвигаться вперед. Видны были только головы людей. Продвинувшись ближе, Николай понял причину этого. Дальше коридор, становясь шлюзом, уходил вверх. Поднявшись по нему, Гомельский увидел двух охранников, стоявших по сторонам прохода. Бизон, проходя мимо них, заметил:

– Ух ты, какие стюардессы у нас!

Толпа загоготала. Один из охранников схватил было Бизона за грудки и замахнулся кулаком, но потом оттолкнул его в проход со словами:

– Если бы ты не был в этом списке...

Бизон обернулся и ответил

– Следи за мной на экране, Золушка!

И со злой усмешкой добавил:

– На потеху тебе я там людей резать буду.

Николай, оказавшись свидетелем этой сцены, прошел мимо охранников и оказался в огромном эллипсовидном салоне, уставленном рядами кресел. По стенам шли иллюминаторы. Он молча сел на указанное ему место. Двое соседей, сидевших ближе к иллюминатору, оживленно обсуждали что-то за бортом.

– Гляди, крыльев-то нет!

– Нет... И как эта штука полетит?

– А может она поедет? Или поплывёт?

Николай попробовал заглянуть в иллюминатор через головы соседей. Действительно, крыльев он не заметил. Вокруг стояли безликие приземистые строения с зеркальными окнами. Охранники прошлись по коридорам между рядами, приказывая пристегнуть ремни. Через пять минут транспорт вздрогнул и, судя по ощущениям, сразу быстро пошел вверх, а затем резко дернулся в сторону и понесся с огромной скоростью, от которой сильно заложило уши. Соседи пытались разглядеть что-то через иллюминатор, но безрезультатно. Потом все почувствовали какие-то плавные подъёмы, после чего транспорт вдруг остановился и так же резко пошел вертикально вниз. Охранники поднялись и заняли места у выхода:

– Заключенные, давай по одному!

Миновав охрану, Николай увидел перед собой невысокий трап и спустился к остальным на большую заасфальтированную площадь. Первое, что он почувствовал, это по-настоящему свежий воздух, от которого даже немного закружилась голова. Заключенные тихо обсуждали транспорт, доставивший их сюда. Серебристая тарелка в форме раздутого эллипса стояла на асфальте, а над иллюминаторами бегущей строкой мерцала оранжевая подсветка. Один из заключенных задумчиво подметил:

– Когда меня посадили, таких штук еще не было...

Едва последний из прибывших спустился с трапа на землю, тарелка бесшумно поднялась вверх и с тихим шелестом моментально исчезла за горизонтом. Николай понемногу осматривался вокруг – двухэтажные краснокирпичные домики с крашеными белыми наличниками, зеленые клумбы. Все аккуратно и чистенько как в немецкой деревне. Вдали виден такой же краснокирпичный забор, поверх которого, правда, натянута проволока. Охранники снова, громко командуя, построили заключенных в две шеренги. Получилось так, что в строю Гомельский опять оказался рядом с Бизоном и Мухой, который прошептал товарищу:

– Бизон, гляди, никаких вышек нет!

Тот отозвался:

– Не спеши, Муха! Думаю, что не все так просто здесь.

Охранники сделали знак всем замолчать. На площади перед шеренгами заключенных появилась группа из нескольких высоких мужчин в черной форме. Впереди шагал рослый плотный старик лет шестидесяти в гражданском костюме и белой рубашке без галстука. На голове копна седых волос. Он с дружелюбной улыбкой оглядел строй и приятным баритоном произнес:

– Здравствуйтесь, гладиаторы! Теперь вас будут называть так! Вы больше не простые заключенные! Вы – участники проекта «Колизей»!

Он сделал паузу и по-отечески добавил:

– Ребята, честно скажу, вам очень, очень повезло! А будете хорошо драться, повезет еще больше. Кто-то выйдет на свободу. Не буду скрывать, многие могут погибнуть на арене, но такова жизнь! Люди хотят развлечений, и вы дадите им это. Для этого вы здесь! Вы подписали контракт!

Он снова оглядел строй и продолжил:

– Меня зовут Петр Петрович Куроедов, поместье это принадлежит мне. Как и вы! Вы – тоже моя собственность!

Кто-то из первого ряда спросил:

– Как рабы, что ли?

Петр Петрович отреагировал с улыбкой:

– Да! Именно так! Конечно, вас не будут заставлять работать, но вы обязаны тренироваться столько, сколько потребуется. Ваши жизни принадлежат мне. Взамен вас будут кормить и обучать боевым навыкам.

Он сделал паузу, пристально вглядываясь в лица стоящих напротив него мужчин. И уже без улыбки сказал:

– Ребята, чтобы вы сразу поняли, насколько все серьезно, хочу кое-что вам показать.

Он обернулся к стоящему позади него офицеру, который подал знак одному из охранников. Два солдата выбежали на площадь и поставили немного в стороне соломенное чучело и небольшую, но довольно толстую бетонную плиту. Первый охранник сразу ушел, а второй занял позицию напротив метра в тридцати. Увидев, что приготовления завершены, Петр Петрович откашлялся и заговорил снова:

– Итак, повторяюсь! Чтобы вы сразу поняли всю серьезность происходящего и во избежание возможных эксцессов, предупреждаю вас – любая попытка к бегству приведет к этому!

Он махнул рукой, и ожидавший его команды охранник на площади снял с пояса предмет, внешне напоминавший бластер, поднял его и, вероятно, выстрелил. Послышался короткий негромкий свист, и чучело сразу вспыхнуло. Затем снова раздался короткий свист, в результате чего плита из бетона превратилась в облако пыли. Заключенные молчали, и Петр Петрович сказал:

– Думаю, всем понятно, что происходит с человеком в случае попадания в него электромагнитного заряда, не так ли? И еще раз – не пытайтесь сбежать, мы все равно вас найдем. И проволока над забором под сумасшедшим напряжением! Человек вспыхнет моментально. Ну, что, договорились? Хорошо?

Шеренги молча смотрели на него. Петр Петрович удовлетворенно кивнул:

– Вот и отлично! Давайте соблюдать правила игры – вы тренируетесь и деретесь, мы вас кормим, лечим и так далее. А сейчас хочу представить ваших инструкторов.

Он обернулся к офицерам позади него. Оказалось, что это специалисты по фехтованию, рукопашному бою, метанию ножей стрельбе из лука и выживанию. Все они были рослые и крепкие. Николай равнодушно смотрел на происходящее и, вдруг вспомнив, поднял руку.

– Можно вопрос?

Петр Петрович и офицеры с любопытством посмотрели на него. Охранники уже было напряглись, чтобы вытащить заключенного вперед, но начальник сделал им знак остановиться:

– Что за вопрос, гладиатор?

– Мне сказали, будто я смогу узнать и даже увидеть, что стало с моей семьей? Это так?

Петр Петрович коротко кивнул:

– Да, такая возможность есть. Позже все узнаете!

Через полчаса охранники отвели новоиспеченных гладиаторов в одно из зданий, где выдали каждому несколько комплектов одежды – спортивные костюмы темно-синего цвета, белье и обувь.

Комната, в которой поселили Николая, оказалась довольно просторной. Две кровати, сенсорные шкафы и умывальники – все напоминало о камере, где он жил первые дни после пробуждения. Соседом ему подселили заключенного по имени Никита, хотя тот сразу заявил, что предпочитает прозвище «Танк». Он и внешностью напоминал эту мощную бронемашину – здоровенный, гора мышц. На стене висел монитор, а на столике они обнаружили пульт-джойстик, но их совместные попытки включить устройство ни к чему не привели. Еда в столовой оказалась вполне сносной. Вечером для гладиаторов провели инструктаж. Их день будет состоять из трех тренировок, посвященных разным видам единоборств. В промежутках – время на еду и отдых. Вечером – немного личного времени, затем отбой до утра. Заключенные реагировали сдержанно. Неожиданно к ним заглянул Петр Петрович, переодетый в удобный спортивный костюм. В честь начала проекта он велел включить бойцам старинный фильм «Гладиатор», чтобы они поняли, чего именно от них ждут на проекте. Николай снова обратился к нему:

– Ланиста, а как насчет моего вопроса? Я спрашивал про семью.

Петр Петрович резко обернулся к нему:

– Как ты меня назвал? Повтори!

Николай спокойно повторил:

– Ланиста.

Прищурившись, Петр Петрович спросил:

– Ты понимаешь, придурок, что твоя дерьмовая жизнь теперь целиком в моих руках? Тебя сейчас могут вывести отсюда и превратить в пыль одним выстрелом. Я объясню твое исчезновение попыткой к бегству, и все это подтвердят. Ты понимаешь это, ублюдок?

Николай смерил его равнодушным взглядом и ответил:

– Я это прекрасно понимаю и совершенно не собирался оскорблять вас. Ланиста – так в Древнем Риме называли владельца школы гладиаторов. Поверьте мне, я по образованию историк.

Петр Петрович перевел взгляд на одного из офицеров. Тот, вероятно, уже проверил значение слова через интернет и утвердительно кивнул. Начальник вдруг улыбнулся:

– А что? Пусть так и будет для большей реальности.

Он оглядел всех и громко объявил:

– Всем – персоналу и гладиаторам – обращаться теперь ко мне так. Ла-нис-та! Понятно?

Охрана отреагировала первой:

– Да, ланиста!

Он перевел взгляд на подопечных. Заключение нестройно стали произносить:

– Да, ланиста!

Петр Петрович довольно заявил:

– Мне нравится!

Он обратился к Николаю:

– Завтра вам покажут, как пользоваться мониторами, которые есть в ваших комнатах.

Там все и увидишь.

Николай ответил:

– Спасибо!

После завершения просмотра фильма все вернулись в свои комнаты. Танк, явно находясь под впечатлением от картины, заявил:

– Я так и вижу себя на арене в таких доспехах. А вдруг я стану звездой этого шоу?

Николай устало согласился:

– Обязательно станешь.

Танк вдруг спросил:

– Сколько тебе осталось?

– Год и восемь.

Сосед хмыкнул:

– Сволочи, считай за пять минут до конца разбудили. А мне четыре года оставалось.

Он грустно ухмыльнулся:

– Звездой-то я может и стану, только вряд ли удастся четыре года протянуть. Мы ведь здесь как на войне...

– А тебя не смущает, что придется убивать людей?

Танк пожал плечами:

– Но ведь и меня кто-то будет стараться замочить... Так что...

Он замолчал на секунду и вдруг раздраженно заявил:

– Ты не старайся выглядеть лучше, чем ты есть! Понял? Ты такой же убийца как я! Иначе бы тебя здесь не было. Думаешь, я не знаю, что ты сделал? Хватит прикидываться чистеньким!

Николай немного опешил от этой тирады, но в дискуссию вступать не хотелось. Танк замолчал и, отвернувшись, сел за стол, а Гомельский лег на кровать. Минут через пять он как-то неожиданно быстро провалился в сон.

Глава 5

В жестких тренировках пролетели два месяца. Гладиаторы бегали кроссы, занимались на тренажерах, учились сражаться на мечах, стрелять из лука, бросать сеть, управляться с копьем и трезубцем. Помимо этого два раза в неделю их приводили в специальную комнату, заполненную всевозможным оборудованием. На тело медики устанавливали множество датчиков, соединенных проводами с блоком управления. Сначала по телу шла вибрация, а затем к ней добавлялись электрические разряды в определенной последовательности. Мышцы интенсивно сокращались под воздействием тока, и в результате к концу второго месяца будущие короли арены действительно стали выглядеть так, что по их телам можно было изучать мышечный корсет человека – кубики пресса, развитые трапециевидные мышцы, мощная грудь, натренированные бицепсы и трицепсы. Николай с головой ушел в тренировки, всячески стараясь отвлечься от невеселых дум.

Как и обещал Петр Петрович, их обучили пользоваться джойстиком. Николай нашел данные по своей семье. Казалось, кто-то специально снимал всю их жизнь на видео, чтобы он смог посмотреть это после пробуждения. Гомельский увидел, как состарилась и умерла жена, как выросли сыновья. Незвестный режиссер снимал их жизнь чуть ли ни день за днем. Все их время без него прошло в тяжком труде и бедности где-то на подземных уровнях, под светом ужасного фальшивого солнца. Николай просмотрел материал за ночь. Что он чувствовал? Сперва это была смесь боли, обиды и ненависти. Когда он увидел смерть жены, эмоции закончились. Он перестал чувствовать боль. Все притупилось. Посмотрев еще несколько эпизодов, Николай отключил монитор – больше не хотелось видеть каждодневную муку его близких. Понимая, что он стал причиной загубленного будущего своей семьи, Гомельский не стал продолжать эту пытку. Даже выйдя прямо сейчас на свободу, он бы не решился найти кого-то из родных и посмотреть им в глаза. Проснувшись через сто лет таким же сорокалетним, кого бы он увидел? Стариков, проживших жизнь под землей. Смогли бы они найти общие темы для разговора? Что вообще увидел бы он в их потухших глазах? Утром Николай поинтересовался у инструктора, каким образом стало возможным заснять такой массив данных. Оказалось, что везде, включая жилые помещения, установлено огромное количество видеокамер, которые фиксируют все происходящее и по запросу формируют подобие фильма про каждого человека. Это давным-давно законодательно закреплено, все привыкли. Зато нет преступности. Ну, почти нет. У Николая больше не было вопросов. Он все понял. Так, псевдodemократия в сочетании с техническим прогрессом трансформировалась в третий вариант будущего. В молодости ему попала интересная работа одного математика, который предрек три варианта развития человечества. Первый приводил к катастрофе из-за бурного технического прогресса – мощный виток вверх и разрушительная война, после которой уцелевшие люди будут сражаться палками и камнями. Второй – закат цивилизации после достижения некоей крайней точки в своем развитии. Третий обещал после следующего фазового перехода человечества определенную стабильность (читай «застой»), с постепенной деградацией. Последний сценарий был интересен тем, что в нем предусматривалось слияние искусственного интеллекта с биоматерией, то есть человек переставал быть человеком в полном смысле слова. Собственно, высокий уровень технологий, обеспечивая эту самую стабильность, как раз и создавал предпосылки для будущей деградации и гибели цивилизации людей. Николай подумал, что санитар Прокопий может служить символом недоступных в прошлом высоких технологий, а факт того, что человек потянулся к таким зрелищам как кровавые бои гладиаторов, говорит о возвращении к животным инстинктам и уже начавшейся деградации. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Гомельский терпеливо отрабатывал удары и всевозможные приемы. В нем не было остервенения как в других бойцах. Он принял это в качестве единственно возможного вари-

анта проводить отпущенное ему время. Иногда Николай задумывался, как он поведет себя на арене, где мечи будут стальными, а беспощадный противник постарается сделать из него рубленый бифштекс. На помощь приходили слова Танка: он старается меня убить, но я хочу жить, поэтому нападаю и защищаюсь. Вероятно, это единственный тезис, который может хоть как-то оправдать его. Разумеется, только в том случае, если ты не жаждущий крови прирожденный убийца.

Лучше всего ему удавался ножевой бой и фехтование. Возможно, занятия в юности боксом помогли приобрести нужную реакцию. В группе он был третьим по владению мечом и вторым по ножевому бою. Таким образом, Николай мог выступать как димахер³, провокатор⁴ или гогломах⁵.

Танк был чемпионом среди ретиариев⁶. Бизон стал лучшим по метанию ножей, фехтованию и рукопашному бою. Даже непобедимый Муха не мог с ним справиться. Но абсолютным чемпионом был Тарзан – мускулистый гигант с копной черных кудрявых волос. Он прекрасно стрелял из лука, владел всеми остальными видами оружия и в одиночку мог справиться минимум с тремя бойцами. Кроме того, он был невероятно вынослив. Как-то раз ему привязали к ногам здоровенное бревно, с которым он подтянулся пятнадцать раз. Николай, уклоняясь от ударов и нанося их в свою очередь, смотрел на себя со стороны, будто не участвовал в бою. Он выигрывал тренировочные схватки, но относился к этому равнодушно. Инструктор пытался вызвать у него ярость, пробудить эмоции, чтобы придать зрелищности бою, но Гомельский не стремился следовать его указаниям. При этом наставник признавал, что такое спокойствие в бою дает неоспоримые преимущества. Вероятно, Николай поступал так из упрямства. Он вспоминал как настойчиво вгрызался в землю, когда студентом исторического факультета приехал на раскопки в Херсонес. Тогда это было оправдано. И еще в ушах звучали слова полковника, который так уповал на его ярость, а Гомельскому очень не хотелось идти у него на поводу.

Постепенно стала вырисовываться картина происходящего. Выяснилось, что в проекте участвуют три школы гладиаторов – московская, петербургская и самарская. Огромный стадион в Лужниках отреставрировали и полностью переделали под проект «Колизей». Под ареной на античный манер установили всевозможные механизмы, которые позволяли поднимать оружие и выпускать новых бойцов и даже зверей согласно сценарию сражения. Николай оказался в московской школе, находившейся за городом. Поместье располагалось в низине рядом с березовой рощей и тихой речкой, которыми Николай любовался каждый раз, бегая многокилометровые кроссы среди полей.

Неожиданно нагрязнул ланиста Петр Петрович. Он собрал гладиаторов и сообщил, что через две недели начинаются съемки и, соответственно, первые бои. Используя свои связи, он уже выяснил, что из Петербурга привезут гладиаторов Зверя и Душегуба, которые будут выступать в одиночных поединках. Из Самары едут Тигр и Коготь. Скорее всего ланиста уже посоветовался с инструкторами, так как сразу объявил, что Москву в поединках представят Муха и Тарзан. Гладиаторы уважительно загудели, но Петр Петрович сделал знак замолчать:

– Будет еще одно сражение, на этот раз командное. Сценарий прост – на арене стоят три укрепленные зоны. Я не знаю, как это будет выглядеть – детали держат в секрете. Предполагаю, что вас поместят в небольшие деревянные крепости. В каждой команде по семь человек. Оружие выбираете сами из предложенного. Вероятнее всего, будут короткие мечи, копья и луки.

³ Димахер – гладиатор, вооруженный двумя короткими мечами или кинжалами. Защищен поножами.

⁴ Провокатор – гладиатор, вооруженный коротким мечом и большим щитом. Защищен кирасой, одной поножей, тяжелым шлемом с перьями, маникой.

⁵ Гогломах (гр.) – гладиатор, вооруженный коротким мечом и маленьким бронзовым щитом. Тело защищено поясом, шлемом и поножами.

⁶ Ретиарий – гладиатор, вооруженный трезубцем и сетью.

Защита – шлемы, щиты, поножи и маники⁷. Захваченное оружие использовать можно. Задача – завладеть вымпелом или знаменем противника. Как только это случилось, сражение окончено. Постарайтесь драться зрелищно, чтобы понравиться зрителям. Если вас полюбят, то в случае поражения голосование зрителей может спасти вам жизнь.

Коренастый и очень мощный татарин Садык спросил:

– То есть, чтобы победить, нужно захватить две крепости?

– Да, именно так. Правда, организаторы обещали какой-то сюрприз. Это пока очень приблизительная информация, но в целом как-то так.

Рыжий как огонь парень, чьего имени Николай не знал, поинтересовался:

– А шлемы будут?

С задних рядов прозвучало:

– Тебе, наверное, с перьями шлем подавай?

Рыжий обернулся и стал, злобно сверкая глазами, выискивать шутника. Затем поднялся и крикнул:

– Я эти перья засуну тебе...

Кто-то прикрикнул:

– Тихо, мужики! В самом деле, шлемы дадут?

Ланиста развел руками:

– Не знаю пока. Возможно. Теперь вот что – оглашаю список команды!

Он оглядел притихших бойцов и, взяв со стола листок, прочел:

– Кувшинов, Серов, Птичкин, Талалаев, Гомельский, Архипов, Бухтин. Все, кого назвал, встать!

Николай, услышав свою фамилию, поднялся и увидел, что вместе с ним встали Бизон, татарин Садык, бывший боксер Таран, один из лучших сагиттариев или лучников Кузьма, галл⁸ Трофим, отлично владеющий копьем, и еще один лучник Боб. Николай почему-то удивился, услышав их фамилии. Он уже давно привык использовать эти прозвища. Ему тоже дали кличку – Историк. Всем запомнился случай, когда он объяснял Петру Петровичу, кто такой ланиста. Начальник поднял также Муху и Тарзана.

– Ребята, вы – первые, кто выступает за московскую школу, поэтому прошу: бейтесь как львы! Не подведите!

Зал одобрительно загудел. Объявили отбой. Гомельский вернулся в комнату. Танк вошел следом:

– Повезло тебе!

Заметив вопросительный взгляд соседа, он пояснил:

– Убьют – считай отмучался, выживешь – вся слава твоя!

Вдаваться в полемику не было никакого желания, поэтому, промолчав в ответ, Николай ушел в душ, а потом лег в кровать. Засыпая, подумал, как знать, может не так уж и неправ Танк. Действительно, убьют и отмучался...

Тренировки перед выступлением стали еще более интенсивными. Почти две недели гладиаторы не знали отдыха. За одиночников Муху и Тарзана никто не переживал, и все внимание уделили бойцам из команды, капитаном которой выбрали Бизона. Инструкторы нагружали их все больше и больше. Они ввели такую дисциплину как бой с двумя и тремя противниками одновременно. Потом на Бизона надели кольчугу и шлем. По углам тренировочного поля поставили двух лучников. Безоружный Бизон в кольчуге стоял на другом конце, замыкая треугольник. Оружие – три копья и меч за ограждением – находились в противоположной стороне

⁷ Маника – защитный рукав, одеваемый на предплечье. Мог быть собран из кожаных ремней или металлических сегментов.

⁸ Галл – гладиатор, вооруженный копьем. Защищен шлемом и небольшим галльским щитом.

между стрелками. Добраться туда под градом стрел без наконечников казалось невозможным, но Бизону это удалось. Используя обманные движения и немислимые кувьрки, он все-таки очутился за спасительным ограждением и, уже вооруженный, атаковал лучников. Инструктор остановил тренировку и посчитал попадания стрел. Гладиятора задели всего два раза – в ногу и в руку. Потом тоже самое проделали остальные, но никому не удалось повторить рекорд Бизона. У Николая было другое испытание: ему жестко зафиксировали правую руку вдоль тела, имитируя ранение. Сначала он бился левой рукой с одним противником, потом с двумя и тремя. Инструктор остался доволен его результатом. Отлично показали себя и остальные. Тем не менее, противник, наверняка, тоже активно готовился, и никто не знал, каких бойцов они могут встретить на арене. Конечно, реклама на телеканалах шла, но информация об участниках отсутствовала. Танк как-то, сидя перед экраном, заметил:

– Вот мы тут тренируемся, а толком ничего не знаем о стране. Она ведь изменилась. Посмотри, какие технологии используются!

Николай, усмехнувшись, ответил:

– Страна изменилась, это факт. Если дошли до такого, чтобы заключенных стравливать и смотреть на это... Похоже на закат империи. А технологии, ты прав, интересные.

Вскоре ему пришлось испытать современные технологии на себе. За два дня до игр бойцов-участников собрали и отвели в один из корпусов, где до этого они никогда не бывали. Охранник завел их в просторный круглый зал, отделанный серым мрамором. Мужчины столпились в центре, оглядываясь вокруг. Никакой мебели, только мраморные стены и двенадцать дверей. Охранник оглядел гладиаторов и, ухмыляясь, объявил:

– Это подарок от Петра Петровича! Каждый заходит в одну из дверей. Ну, пошли! Выходить, когда замигает красная лампочка. Чего стоите?

Садык первым шагнул вперед и потянул на себя дверь. Потом Муха, Бизон и все остальные. Николай открыл свою дверь и очутился в полумраке комнаты, в центре которой стояла огромная кровать с балдахином. На кровати лежала очень красивая обнаженная блондинка лет двадцати. Увидев его, она приподнялась и ласково произнесла:

– Милый, я так тебя ждала! Проходи скорее, я соскучилась!

Николай подошел к девушке. Она была совершенна – красивое лицо, руки, великолепная грудь. Блондинка встала и начала расстегивать его спортивную куртку. Он спросил:

– Как тебя зовут?

– Анжелика. О, милый, я вся горю! Раздевайся!

Мужчина в нем не умер, поэтому очень скоро комната наполнилась стопами девушки. Позже, отдыхая, Николай взглянул ей в глаза. В этих красивых фиалковых озерах можно было утонуть. Она с теплотой посмотрела на него:

– Милый, я хочу еще!

Гомельский улыбнулся и ответил:

– Мы как индивидуумы не можем пародировать тенденции парадоксальных эмоций! Понимаешь, Анжелика?

Ответа не последовало. Девушка, по-прежнему улыбаясь, влюбленно смотрела на него. Николай позвал девушку еще раз. В это мгновение, сохраняя улыбку и не меняя позы, она закатила вверх глаза и застыла так секунд на десять, а потом выдала неожиданную, но вполне подходящую по смыслу булгаковскую реплику:

– Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может и умно, но больно непонятно!

Николай засмеялся. В интеллектуальной базе, заложенной в проститутку-андроида нашлась такая фраза! На стене замигал крошечный красный диод: время вышло. Он погладил девушку по волосам и стал одеваться. Мозг-компьютер Анжелики, вероятно, преодолел ступор, так как она спросила:

– Милый, ты уходишь? Я хочу еще!

Николай, улыбнувшись, ответил:

– Детка, в другой раз!

Он вернулся в круглый зал, где уже стояли его товарищи по команде, полные впечатлений от встречи с дамами. Затем их развели по камерам. Танк поинтересовался:

– Ну, куда вас водили?

– К проституткам.

– Да ладно!

Сосед оживился:

– И как? Красивые?

– Красивые. Почти не отличить от живой.

– В смысле?

Николай пояснил:

– Роботы, андройды. Но выглядят великолепно.

Танк ухмыльнулся:

– Эх, я бы сейчас тоже...

Гомельский улёгся на свою кровать, заложив руки за голову. Танк спросил:

– Скажи, блондинка или черненькая?

– Блондинка.

Танк задумчиво произнес:

– Вот я мечтал – тормозну инкассатора, хапну денег и с какой-нибудь блондинкой рвану к морю. Не вышло. Схватили и усыпили.

Он помолчал немного, потом задал вопрос:

– А ты о чем мечтал, Историк?

Николай не хотел ничего отвечать, не хотел ворошить прошлое, поэтому легонько захрапел. Танк приподнялся на локте:

– Уснул что ли? Ну, ладно...

Ночь перед играми прошла на удивление хорошо. Гомельский спал как младенец. Сны не беспокоили. Вероятно, помогло равнодушие, с которым Николай относился к предстоящему бою. Надо сказать, что в его товарищей, принимавших такое отношение за несокрушимую уверенность, это вселяло большой оптимизм.

– Погляди на Историка, – шептались бойцы, – Спокойный как удав. Нервы, наверное, как канаты!

Наступило утро выступления. Объявили пятиминутную готовность. Танк крепко пожал протянутую Гомельским руку:

– Ни пуха, ни пера, Историк!

– К черту!

Уже стоя на пороге камеры Николай вдруг сказал:

– Я мечтал жить в Греции, проводить раскопки и возвращать людям древние города. И совсем не хотел, чтобы мне указывали, где и как жить, а я, как баран, покорно блеял и подчинялся только потому, что кому-то понравилось место, на котором стоит мой дом. За это и поплатился...

Он грустно ухмыльнулся и вышел.

Глава 6

Девять гладиаторов и конвой вышли во двор, где их ожидал транспорт – та же тарелка, что доставила заключенных сюда из «спальни», как окрестили тюрьму. Трофим, кивнув на транспорт, тихо заметил:

– О, наш звездолет прилетел!

Охранник буркнул:

– Тихо!

Трофим огрызнулся:

– А что ты сделаешь? Непустишь меня на арену? Сам, что ли, полезешь кишки выпускать?

Охранник ответил:

– Вот вернешься, поговорим!

Трофим мрачно пробормотал под нос:

– Ага, поговорим!

Их провели в салон, где они пристегнулись ремнями в креслах. Охранники заняли позиции у дверей выходов. «Звездолет» бесшумно взлетел и помчался. Все бойцы молчали, задумчиво глядя в иллюминаторы, за которыми ничего нельзя было разглядеть из-за большой скорости. Через несколько минут транспорт пошел на посадку. Охранники поднялись с мест. Бизон встал первым и деланно весело заявил

– Ну, что, пацаны, погнались!

Их провели по коридору, на лифте опустили на один уровень ниже и оставили в просторной раздевалке. У стен стояли девять вешал с различными доспехами. Охрана запретила подходить к ним. Через минуту появился ланиста Петр Петрович, который бодро приветствовал бойцов:

– Ребята, не подведите! Я в вас верю. Оглашаю список: одиночники бьются так: заключенный Петров – гопломах, заключенный Мухин – провокатор. Готовьтесь!

Тарзан и Муха направились к вешалам с доспехами.

Ланиста продолжил, обращаясь к остальным::

Так, теперь вы.

Он огласил список: команда состоит из одного гопломаха, димахера и галла, двух сагитариев и двух провокаторов. С лучниками и галлом все было понятно и так. А вот с бойцами на мечях сразу определиться не смогли и решили бросить жребий. Николаю выпал димахер, Бизону – гопломах, Садык и Таран стали провокаторами. Ланиста сказал, что новой информации у него нет. Идея прежняя – битва трех команд сразу, штурм крепостей. Таран спросил, есть ли что-то по сюрпризу, о котором говорил Петр Петрович. Ланиста отрицательно покачал головой. Он еще раз напомнил, как ждет от бойцов победы и ушел. Гладиаторы направились к вешалам. Переодевшись, Николай оглядел товарищей по команде. Садык и Таран выглядели устрашающе в сверкающих шлемах и кирасах. Димахеру полагалось иметь только поножи. Зато он мог легко двигаться. Гопломах Бизон тоже быстро переоделся. На ногах у всех были сандалии. Муха заметил, вызвав общий хохот:

– Симпатичные босоножки!

Затем охранники перевели их в соседнее помещение с высокими сводчатыми потолками. В центре стоял стол, заваленный оружием. У одной из стен начинались ступеньки, упирающиеся в арочный проем, закрытый решеткой. Два охранника встали около нее с оружием на изготовку. Из проема доносился шум трибун, по которому становилось понятно, что это выход на арену. Николай сразу выбрал два положенных ему гладиуса и положил мечи в ножнах перед собой. На прикрепленном к стене видеозкране шла трансляция мега-проекта «Коли-

зей». Среди этих стен крупной каменной кладки создавалось впечатление, будто ты действительно находишься в подземельях античного театра, и огромный монитор выглядел совершенно инородным предметом. Трансляция показывала трибуны, заполненные до отказа радостными и возбужденными зрителями. Периодически камера пробегала по арене. Гладиаторы внимательно присматривались к месту сражения. Огромная площадка была засыпана песком. Четыре большие арки на противоположных сторонах стадиона служили выходами на поле боя. Бизон кивнул на вооруженных охранников, стоящих по периметру:

– Сколько их поставили! Не иначе роту целую привели.

Тарзан со смехом прокомментировал:

– Ты же натренированный убийца! Вдруг пойдешь на рывок, кто тебя остановит? Зрители?

Все засмеялись. От Николая не укрылось, что Бизон неожиданно серьезно посмотрел на Тарзана и спросил:

– Думаешь, я собираюсь бежать? Я, по-твоему, идиот, что ли?

Муха внимательно взглянул на Бизона и поспешил разрядить обстановку:

– Отсюда рванешь, пожалуй! Ха-ха! В один миг превратят в труху.

В этот момент на арене раздался низкий трубный звук. Гомельский подумал, что это гудят одновременно несколько цимбал. Ведущий, некто Дмитрий Гонт-Резовский, объявил начало первых гладиаторских игр в рамках проекта «Колизей». Он представлял важных персон, присутствующих сегодня на трибунах лично. Николай слушал невнимательно и взглянул на экран лишь тогда, когда Гонт-Резовский принялся озвучивать условия одиночных сражений. От каждой из школ выступают по два бойца, которые будут биться один на один согласно жеребьевке. Шоумен начал представлять публике гладиаторов. Он называл имя и совершенные преступления. Завершив с краткими досье бойцов, ведущий выдал фактически обоснование проекта:

– Сегодня на этой арене прольют свою кровь убийцы и воры. И это справедливо! Их наказали многолетним принудительным сном, но поспать несколько десятков лет – слишком легкая плата за их деяния! Они отняли жизни, но сами живы. Вот пусть и докажут, что достойны жить!

Гонт-Резовский оглядел арену и выкрикнул:

– Мы начинаем, господа! Идущие на смерть приветствуют нас!

Раздался звук цимбал. Гонт-Резовский объявил первый поединок – Муха против питерского Зверя.

Муха встал, обернулся к команде и произнес:

– Ну, пацаны, не поминайте лихом, если что...

Бизон коротко пожелал:

– Ни пуха, ни пера!

Муха вдруг улыбнулся:

– Да к черту! Где наша не пропадала!

Охранники отворили решетку. Он поднялся по лестнице и шагнул в проход. Все обратились к монитору. Муха в вооружении провокатора выглядел очень внушительно. Он вышел на арену и огляделся.

Таран заметил:

– А день-то сегодня какой солнечный!

Арена была залита ярким солнцем. Казалось, что даже песок отражает его лучи как зеркало. С противоположной стороны из такого же прохода появился соперник – гладиатор Зверь из Петербурга. Он был огромного роста, выше Мухи на целую голову, хотя тот был самым высоким во всей московской школе.

Садык мрачно произнес:

– Вот это кабан!

Зверь также был в вооружении провокатора. Тяжелыми шагами он двинулся к центру арены. Муха сделал то же самое. Они остановилось в двух метрах друг от друга, ожидая сигнала к началу поединка – два гиганта с большими щитами, в тяжелых шлемах и нагрудниках. Гонт-Резовский прокомментировал:

– Два убийцы, готовые пролить свою кровь за право жить дальше, стоят на арене. Не будем затягивать ожидание!

Загудели цимбалы, и гладиаторы обнажили мечи. Они начали перемещаться по кругу, выискивая лучшую позицию для атаки. Бизон обернулся:

– Думаю, Муха легко справится с ним.

Таран спросил:

– Почему?

– Этот Зверь, конечно, мужик здоровый, но тяжелый.

В это время Муха сделал атакующее движение. Противник неожиданно легко ушел влево и нанес своим большим щитом удар такой силы, что Муха едва не выронил меч. Теперь в атаку пошел Зверь, который обрушил на Муху рубящий удар сверху. Щит Мухи зазвенел, но выдержал. И тут снова атака щитом и опять свист меча сверху. Используя эту комбинацию, Зверь начал теснить Муху. Зрители что-то кричали, подбадривая бойцов. Спустя некоторое время на помятом щите Мухи появилась трещина. Зверь, осмелев, начал активнее атаковать. Его гладиус со свистом разрезал воздух. Муха попытался перехватить инициативу, нанося удары в голову, чтобы прощупать реакцию соперника, но тот успешно прикрывался щитом, тут же контратакуя. Муха продолжал отступать, стараясь сберечь щит и уворачиваясь от ударов. Он делал выпады, которые Зверь гасил встречными ударами щита. В очередной раз он с силой выставил щит навстречу, но Муха вдруг резко отскочил вправо. Не встретив сопротивления, Зверь «провалился» вперед, и Муха, оказавшись позади противника, нанес молниеносный рубящий удар мечом в незащищенную спину соперника. Арена удивленно охнула. Капли крови из раны упали на песок. Бизон, обернувшись, заявил:

– Я же говорил вам!

Не давая опомниться противнику, Муха вонзил гладиус под левую лопатку Зверя, который, коротко застонав, медленно упал на колени, а потом завалился на песок. Арена заревела от восторга. Ведущий закричал:

– Первая победа и первое поражение, первая кровь и первая смерть! Поединок выиграл гладиатор московской школы. Они выступают под своими кличками. Теперь мы знаем, чего стоит гладиатор Муха!

Публика бурно аплодировала. Муха поднял меч над головой, приветствуя зрителей. Потом направился в сторону прохода, из которого он выходил на арену.

Команда встретила победителя одобрительными возгласами. Николай сидел, задумчиво глядя перед собой. Он вспоминал самые счастливые моменты своей жизни, заново проживая их. Перед глазами стоял отец, который, смеясь, учил его кататься на велосипеде; мама, ласково целующая маленького Колю. Потом он вспомнил, как чистил с бабушкой картошку. Гомельский подумал, что по-настоящему счастлив был именно в детстве – среди любимых людей, которые всегда очень любили его. Вдруг на память пришел старый сон. Он идет по улице своего детства и видит давно снесенное здание, в котором когда-то был канцелярский магазин. Николай проходит мимо, но вдруг оборачивается и смотрит на магазин еще раз и неожиданно начинает рыдать. Его душат слезы, они рекой льются из глаз. Во сне у него было совершенно четкое понимание, что видит он это в последний раз. Проснувшись, Николай долго вспоминал видение и размышлял, чтобы оно могло означать. Для себя самого Гомельский решил, что после этого сна детство окончательно оставило его. Это было такое своеобразное прощание. И, действительно, вскоре после этого начались уже серьезные проблемы – потеря работы, ее безуспешные поиски, а потом и тюрьма. Беззаботное детство – вот настоящая квинтэссен-

ция счастья. А все остальное – карьера, свершения, деньги, даже женщины и власть – полная ерунда в сравнении с этим. Предложите любому властелину или богачу вернуться в какой-нибудь солнечный день его детства, чтобы еще раз провести его с любимыми родителями или родными, – никто не откажется, что угодно отдадут за это. Простые истины иногда встают перед нами во всей своей неприкрытой очевидности, и Гомельский подумал, что в тот день, стоя на кухне рядом с любимой бабушкой, он был самым счастливым человеком в мире. Вот только, к огромному сожалению, ничего тогда об этом не знал.

От раздумий его отвлекли крики гладиаторов. Гомельский взглянул на экран, где питерский Душегуб, не встретив особого сопротивления, зверски расправился с Тигром из Самары. Он вонзил меч ему в живот и поднял умирающего противника над собой. Многотысячный стадион ликовал, ведущий визжал от восторга. Наконец, Душегуб бросил Тигра на песок и обратился к публике за решением. Аудитория проголосовала за смерть Тигра, и Душегуб перерезал ему горло.

Пока гладиаторы наблюдали за трансляцией, Тарзан начал готовиться к поединку с Когтем и, надев шлем, со звуком цимбал вышел на арену. Он вернулся минут через двадцать. Соперник оказался заведомо слабее, и Тарзану не стоило больших трудов его одолеть. В помещение вошел Петр Петрович и заявил:

– Молодцы! Отлично! Все, ребята, одиночные поединки закончились. Переходим к командным сражениям. Готовьтесь!

Он замолчал, явно что-то вспоминая. Затем добавил:

– С сюрпризом по-прежнему непонятно, но кое-что я разузнал. Крепости будет только две, а команды три. Питерцы и самарцы в бешенстве из-за поражений, поэтому вся ярость будет обращена прежде всего на вас.

Через минуту Гонт-Резовский принялся объяснять правила командного сражения:

– Команды, капитаны которых вытянут из кувшина белый шар, занимают крепость. Если достался черный шар, то у такой команды крепости нет, только несколько фанерных щитов. Но в помощь мы кое-что предоставим. Бой длится, пока в команде остается хотя бы один живой гладиатор! Команда считается проигравшей, если захвачено знамя. Судьбу уцелевших гладиаторов проигравшей команды решают зрители!

Через пять минут Бизон вышел на арену и встал рядом с капитанами команд-соперников. Девушка в римской тунике вынесла и поставила перед ними глиняный кувшин. Гонт-Резовский объявил:

– Мы приступаем к жеребьевке! Прошу!

Капитан самарской команды, бородатый черноволосый гигант-провокактор наклонился к кувшину и, вытащив белый шар, поднял его над головой.

Ведущий объявил:

– Гладиаторы из Самары занимают крепость под синим флагом!

Следующим был капитан команды Петербурга. Он поднял над головой черный шар.

Гонт-Резовский радостно провозгласил:

– Дамы и господа, жребий брошен! Итак, в крепостях размещаются гладиаторы Самары и Москвы. Команда из Петербурга скрывается за фанерными щитами! Капитаны, вернитесь к командам!

Первое, что сказал Бизон, спускаясь по лестнице к команде, было:

– Как же, твою мать, жарко в этих ватных штанах. Аж зудит все!

Трофим со смехом подтвердил:

– Штанишки что надо!

Бизону действительно было очень неудобно в доспехах, но так защищали гоппломаха в античности. Он уселся за стол и заявил:

– Не знаю, что там за крепость такая будет у нас, но пока давайте так: Трофим и Историк, вы охраняете подходы на случай, если противник подойдет близко или ворвется внутрь. Лучники, займите позиции наверху или в бойницах, если найдете их. Ваша задача – обстреливать издалека. Садык, Таран и я – будем стараться атаковать, но не исключено, что кто-то останется в обороне. Пока так, а там посмотрим.

Открылась дверь, и две девушки в длинных синих туниках вошли с подносами, на которых была еда и напитки. Мужчины радостно приветствовали их появление. Едва они подкрепились, раздался звук цимбал. Их ждали на арене. Николай молча надел стальной шлем с решётками для защиты глаз и закрепил мечи на поясе. Остальные тоже вооружились. Тарзан и Муха, пожелав товарищам удачи, остались за столом. Охранники отворили решетку, и семь вооруженных мужчин вышли из арки на песок арены.

Глава 7

За время перерыва вокруг арены подняли высокое прозрачное ограждение, чтобы убедить зрителей от попадания стрелы. Команды выходили одновременно из трех арок и остановились около красных флажков, воткнутых в песок напротив каждого выхода. В глаза бросались гладиаторы команды синих – все семеро большого роста и мощного телосложения, особенно капитан-провокатор, который был на голову выше остальных. Ведущий что-то говорил зрителям, описывая команды, когда Бизон тихо заметил:

– Что-то не видно никаких крепостей...

Словно отвечая на его слова, Гонт-Резовский объявил:

– Дамы и господа! На арене появляются укрепления для гладиаторов. Скоро, очень скоро начнется сражение!

Установленные под ареной механизмы пришли в движение, открывая специальные полости, и из под песка на поверхность начали подниматься два внушительных размеров дощатых ящика, выкрашенных в белый цвет. Пожалуй, применительно к происходящему, такое строение действительно можно было назвать крепостью – толстые доски, узкие окошки-бойницы в стенах, наверху настил и стена с зубцами, за которыми может укрыться лучник. Над помостом укрепления москвичей развевался красный флаг. На противоположной цитадели установили флаг синего цвета – Самара. Вдалеке, где не было никаких сооружений, в песке торчал зеленый флаг. Бизон, глядя на дощатые крепости, прогудел в шлем:

– Пока схема прежняя.

Все молча кивнули, а ведущий прокомментировал:

– Дамы и господа! Вы видите два укрепленных строения, которые скоро займут команды гладиаторов из Москвы и Самары. И нас всех волнует вопрос, что же защитит команду из Петербурга, не так ли?

Он снисходительно улыбнулся:

– Вот и их укрепление!

Обслуга арены в оранжевой униформе вынесла три секции дощатого забора на подпорках и расположила их буквой «П» в сторону двух крепостей.. Каждая секция была размером два на два метра. Находясь внутри этого укрепления, гладиаторы были в относительной безопасности от стрел противника. Гонт-Резовский продолжал:

– Я прошу команды красных, синих и зеленых занять свои рубежи!

Москвичи и самарцы бегом отправились к крепостям. Едва команда Бизона ввалилась в проем, он скомандовал:

– Кузьма и Боб, наверх! Осмотритесь там, но думаю, что один из вас спустится вниз к бойницам. Садык и Таран – вы со мной здесь. Историк, ты тоже здесь пока. И Ты, Трофим, оставайся внизу – охраняешь вход.

Сверху донесся голос Боба:

– Синие поставили всех лучников наверху!

Бизон ответил:

– Сейчас поднимусь!

Он быстро поднялся по лестнице, оглядел арену и спросил

– Сможете лучников снять?

Кузьма пожал плечами:

– Должны достать. А вот зеленых за щитами только сбоку видно, если выглянут.

Николай по-прежнему равнодушно смотрел на арену. Через пять или десять минут эти двадцать гладиаторов начнут рвать друг друга на куски, и арена zalьется кровью никому

не нужных людей, которых отправили развлекать публику таким способом. Черт, и он тоже среди них!

От раздумий его оторвал голос Гонт-Резовского:

– Дамы и господа! Вы видите, что команда зеленых защищена слабее остальных. Мы против несправедливости и поэтому кое-что приготовили!

Он указал рукой на часть арены, которая располагалась за укреплениями зеленых. Там медленно поднималось бесформенное нечто, накрытое брезентом. Николаю через бойницы было трудно разглядеть сюрприз и он крикнул:

– Что там?

В этот момент брезент сдернули, и ведущий радостно провозгласил:

– Ну, что же! Теперь все три команды находятся в равных условиях. Дамы и господа, представляю вашему вниманию катапульту*!

Николай услышал голоса Бизона и лучников:

– А что это такое? Непонятно, зачем им эта штука! Ой, гляди, какие-то камни еще поднимают!

Николай поднялся наверх и посмотрел на арену. Синие спрятались внутри своей крепости, оставив наверху только сагитариев. Кузьма заметил:

– Будут бить и по нам и по зеленым.

Бизон подтвердил:

– Точно. И мы также.

Он показал рукой на катапульту и спросил:

– Историк, ты знаешь, что это такое?

Николай утвердительно кивнул:

– Стенобитное орудие. Если они знают, как им пользоваться, то нам не позавидуешь.

– Нам?

– Тем, кто в крепости. Видишь, подняли кучу огромных камней? Так вот скоро они разнесут нашу крепость вдребезги.

Видя, что никто его не понимает, Николай пояснил:

– Эта штука бросает камни. Поэтому, в первую очередь надо стрелять в гладиаторов, которые заряжают катапульту. Надеюсь, что синие это тоже понимают.

Сказав это, Николай спустился вниз. Он был все также спокоен. Трофим поинтересовался:

– Что там?

Гомельский пожал плечами:

– Презентуют древнее орудие убийства.

Тем временем на арене к зеленым подошли несколько человек в оранжевых комбинезонах обслуги. Они что-то говорили, показывая на катапульту и камни. Вероятно, объясняли принцип действия. Наконец, ведущий объявил:

– Уважаемые зрители, мы начинаем!

Низкие голоса цимбал возвестили о начале сражения. Бизон пустился на первый этаж:

– Начинается!

Внизу все припали к амбразурам. За дощатыми изгородями не было видно, что именно делают зеленые, но лучники всех команд давали о себе знать свистом стрел. Одна из них со звоном аонзилась в дерево рядом с лицом Гомельского. Бизон крикнул:

– Кузьма, сколько стрел в колчане?

Верху донеслось:

– Было пятнадцать!

Резкий и громкий хлопок, прозвучавший со стороны зелёных, перерос в свист, и перед крепостью синих на песок упал огромный камень. Трофим объявил:

– Недолет!

Николай обратился к Бизону:

– Скажи сагиттариям, чтобы они старались снять лучников зеленых. Если это получится, то надо будет их атаковать в первую очередь. Иначе, несколько удачных попаданий – и нам в этом домике крышка!

Как бы в подтверждение его слов снова раздался свист снаряда, и их деревянная крепость вздрогнула от мощного удара, от которого треснуло несколько досок. Бизон кинулся наверх.

Арена ликовала в восторге от невиданного зрелища. Зрители вскрикивали, наблюдая за сражением. Ведущий изредка комментировал происходящее, стараясь не отвлекать трибуны попусту. Быстро овладев управлением катапульты, зеленые нанесли точный удар по крепости синих. Огромный камень попал в верхнюю часть строения, проломив зубцы и сбросив вниз одного из сагиттариев. Он упал за крепость на песок арены, но сразу встал, держась за голову и осторожно пробираясь к проему, чтобы вернуться внутрь. Лучник зеленых ждал, пока тот появится в поле видимости и тут же выстрелил. Стрела попала в ногу несчастного, который с криком рухнул на песок. В этот момент удачным выстрелом Кузьма пронзил шею стрелка зеленых, обнаружившего себя за изгородью. Он свалился лицом в песок, вытянув вперед руки. Арена взревела. Вероятно, зеленые решили довершить разрушение крепости синих, так как следующий камень снова полетел в их сторону. Ударив в стену рядом со входом, он проделал в досках большое отверстие, но не обрушил крепость. Гомельский услышал, как Боб крикнул сверху:

– Я снял димахера у катапульты!

Возможно, тот замешкался, поднося камень, что дало возможность Бобу попасть в цель. Теперь ярость зеленых обратилась на них. Здоровенная глыба так ударила в стену, что пробила доски над входом. К счастью, внутри никого не задело. Наверху тоже все были целы. Боб крикнул, что, кажется, синие атакуют команду с катапульты. И действительно, из проема показались два провокатора, которые зигзагами стали перемещаться в направлении зеленых. По очень мощному телосложению в нем сразу опознали капитана. При таких габаритах ему нелегко давалось это перемещение. Бизон крикнул наверх:

– Снимите лучника зеленых! Синих пока не трогайте! Они отвлекут внимание!

Едва он это произнес, как Боб сообщил:

– Есть! Попал! Я снял второго лу...

Он вдруг захрипел, а сверху раздался вопль Кузьмы:

– Боба убили!

Бизон выглянул на помост. Боб лежал в луже крови, из его правого глаза торчала стрела с синим оперением.

– Кузьма, ними эту тварь, только смотри, чтобы он в тебя не попал!

Таран, молчавший все это время, вдруг тихо спросил Николая:

– Историк, тебе не страшно?

Гомельский, не отрывая глаз от арены, ответил:

– Нет. Раньше было бы страшно, а сейчас плевать. Самому непривычно...

Бизон подхватил свой небольшой щит и обнажил клинок:

– Ладно, погнались!

Садык остановил его:

Погоди, там какая-то заваруха!

Действительно, на подступах к позициям зеленых происходило что-то невообразимое. Галл схватил лук то ли убитого то ли раненого сагиттария и начал стрелять в атакующих синих. Причем, довольно удачно, так как провокатор синих упал на песок раненый. Оставшийся гигант-капитан продолжал движение. Трое зеленых заряжали катапульту. Камень вылетел в сторону красных. Никто не успел ничего понять, когда дощатая цитадель с грохотом

обрушилась на них. Арена снова взревела! Зрители как безумные повскакивали со своих мест, выкрикивая «Вперед!».

Гомельский пошевелился. С трудом ему удалось это сделать, но очень мешали доски, навалившиеся сверху. Все тело ныло от боли. Неожиданно доски сами поднялись над ним. Донесся голос Кузьмы:

– Вылезай, Историк! Скорее! Я держу.

Николай выбрался из под завала и прежде всего ощупал оружие. Мечи были в ножнах, он так и не успел их достать. Обломки рухнувшей крепости все равно пока еще создавали укрытие. Гомельский хрипло спросил:

– Где остальные?

Кузьма, присев на корточки и сосредоточенно вглядываясь куда-то, вдруг натянул тетиву и выстрелил. Он вскрикнул:

– Есть! Я все-таки снял его!

Затем лучник пояснил:

– Я когда увидел, что все рушится, схватил флаг и спрыгнул на песок. Потом спрятался здесь от этой сволочи. Синий начал обстреливать меня.

Николай посмотрел на лежащий рядом красный флаг.

– Историк, у нас есть минуты две, чтобы вытащить остальных!

Гомельский живо поднялся, и вдвоем они стали растаскивать обломки. Первым выбрался Бизон. Затем Таран и Трофим. Нашли и Садыка, убитого прямым попаданием камня. Все уцелевшие были в ссадинах и порезах, но серьезно никого не ранило. Бизон огляделся. В лагере зеленых шла настоящая резня. Тот гигант-провокактор все-таки добрался до ограждений и убил гладиатора, который стрелял из лука. Трое зеленых, бросив катапульту, атаковали его, но на помощь уже спешили гопломах и галл синих, покинувшие свою крепость. На красных, погребённых под завалами, все махнули рукой, и это их пока спасало. Бизон, наблюдая за схваткой, заметил:

– Вот это побоище!

Провокатор-гигант зарубил гопломаха зеленых и отбивался от двух оставшихся провокаторов. Бегущий на подмогу галл на ходу бросил копье, но промахнулся. Один из зеленых схватил копье и вонзил в ногу великана, который, будто не заметив этого, опустил ему на голову меч. Удар был настолько силен, что шлем раскололся на две части, застряв в черепе. Судьба последнего из зеленых была решена очень быстро. Со вспоротым животом он упал на катапульту. Гигант схватил зеленый флаг и, потрясая трофеем, победоносно заревел. Свист летящей стрелы заставил всех пригнуться. Когда Николай поднял голову, то увидел, что лук Кузьмы лежит на земле, а он сам припал на одно колено. Из его груди торчала стрела. Оставшийся в крепости димахер схватил лук убитого сагиттария и выстрелил. Гомельский усадил раненого на песок:

– Кузьма, держись!

Бизон скомандовал:

– Историк, займись димахером. Похоже, он там один. Да, наше знамя тоже на тебе! Остальные, за мной! Надо отрезать синих от крепости.

Он бросился к лагерю зеленых вместе с Тараном и Трофимом, а Николай, схватив знамя, зигзагами направился к крепости синих. Благодаря этим маневрам две стрелы, выпущенные сверху димахером синих, пролетели мимо. Он добрался до входа, около которого лежал мертвый сагиттарий, тот самый – сброшенный со стены выстрелом катапульты. Еще одна стрела с зеленым оперением добила раненого стрелка. Николай оглянулся и увидел, как Бизон схлестнулся с громилой-провокактором, а Таран падает, сраженный копьем галла. Гомельский, сделав кувырок, резко вкатился в проем. Это его спасло от сильного поперечного удара в шею. Встав на ноги, он развернулся и увидел димахера, загородившего вход. Рослый детина, поигры-

вая мечами, начал медленно приближаться. Николай, прислонив к стене красный флаг, достал из ножен оружие. Противник сразу бросился на него, осыпая ударами. Поскольку он был выше, то большинство атак шло на Гомельского сверху. Пока ему удавалось от них уклоняться в ожидании ошибки врага. В какой-то момент димахер оказался совсем рядом и неожиданно ударил защищенным маникой локтем в лицо. Несмотря на шлем, закрывавший голову Николая, удар был настолько сильным, что он потерял на секунду контроль и опустил оружие. Противник ногой ударил его в грудь, отчего Гомельского отбросило к стене. Спину пронзила резкая боль – в тело впился гвоздь, торчавший в досках. В ушах вдруг зазвучали слова того полковника, говорившего ему о ярости. Вернулось забытое ощущение, которое он испытал, когда бросился на судебных приставов. Привычное равнодушие исчезло, его вдруг заменило упрямство, продиктованное нежеланием умирать от руки этого димахера. И одновременно Николай почувствовал дикое бешенство. Оно словно заполнило его целиком, оставляя при этом мозг холодным. Этот человек сейчас пытается его убить и готов на все, не зная, что столкнулся фактически с живым воплощением холодной ярости. Николай медленно стал оседать вниз по стене, потихоньку подгибая колени. Димахер приблизился и замахнулся, но Гомельский вдруг, скользя под его рукой, сделал кувырок вперед и, встав на одно колено, наотмашь полоснул противника по ногам сзади. Димахер зарычал от боли, стараясь развернуться, но рассеченная плоть уже не слушалась его. Слабея, он выронил мечи и удивленно посмотрел на свои руки. Николай встал перед противником, резко подпрыгнул и толкнул его двумя ногами в грудь. Димахер синих потерял равновесие и через проем вылетел на песок арены. Зрители оживились, став свидетелями еще одной схватки. Соперник пополз на руках, но Николай приподнял его и коротко ударил мечом в живот. Странное ощущение – он только что абсолютно хладнокровно отточенным движением убил человека, но внутри него при этом клокотала звериная ярость, как если бы в сердцевине ледяной глыбы бушевал пожар.

Противник рухнул на колени, истекая кровью. Арена пришла в восторг. Николай огляделся. Неподалеку Бизон, без шлема и щита, в изрубленных и окровавленных тканевых доспехах из последних сил отбивался от огромного провокатора. Тот, тоже весь в крови, хромя, теснил верткого гопломаха. Увидев, как Николай справился с димахером, он понял, что бой проигран. Действительно, поднимись Гомельский наверх и возьми реющий там синий флаг, судьба провокатора будет зависеть только от решения зрителей. Бизон, поняв это, обернулся и отрицательно замотал головой, показывая, что хочет продолжить бой. В этот момент провокатору снова удалось задеть его. Меч рассек ему руку. Он, возможно, даже отрубил бы ее, но Бизон споткнулся и начал падать как раз тогда, когда был нанесен удар. Гомельский бросился на помощь. В левой руке провокатор держал изрубленный щит. Николай разбежался и со всей силы толкнул гиганта прямо в него. От неожиданного удара тот потерял равновесие и упал. Пока он поднимался, Гомельский помог встать Бизону, который с трудом держался на ногах. Разбитая бровь, кровотокающие раны, лицо в запёкшейся крови – вряд ли он выстоял бы против гиганта. Бизон прошептал:

– Историк, кончай его!

– Хорошо, а ты давай иди за флагом.

Бизон криво ухмыльнулся:

– Попробую доковылять...

Николай обернулся к противнику. Провокатор поднялся и отдышал, тяжело дыша. Гомельский понял, что сейчас громила бросится на него всей своей силой, чтобы вывести из боя. Это единственный шанс остановить гопломаха, с трудом хромящего в сторону крепости синих. Провокатор ударил мечом по щиту и шагнул вперед. Николай довольно легко уходил от ударов. При этом ощущалось, что противник является искусным бойцом, а не просто горой мышц. Он активно действовал мечом и щитом, но Гомельский не подпускал его близко, стараясь вымотать. Неожиданно провокатор выбросил вперед левую руку. Николай

едва успел выставить меч перед летящим в лицо большим щитом. От удара из левой руки меч выпал, а провокатор вдруг победоносно расхохотался и кинулся на него. Благодаря хорошей реакции, Гомельский увернулся от мощного удара в грудь, но следующий выпад серьезно задел его левую руку. Боль огненной иглой пронзила плечо. Николай отскочил в сторону и отступил на несколько шагов, собираясь с силами. Надо завершить поединок, пока потеря крови, хлещущей из раны, не стала критичной. Провокатор снова ринулся в бой, пытаясь настичь противника. Он нанес несколько ударов, но Николай отразил их, попутно контратакуя в шею. Высоченный провокатор уклонялся, нанося размашистые длинные удары и вкладывая в них всю силу. Гомельский понял, что нужный момент, которого он дожидался, наконец настал. Бизон добрался до крепости и крикнул:

– Подождать?

Гомельский не ответил, внимательно следя за соперником. Очередной взмах меча провокатора со свистом разрезал воздух рядом с его лицом в шлеме. Николай немного отступил в сторону и нанес короткий, но сильный удар. Отсеченная кисть противника, все еще сжимающая меч, упала на песок. Провокатор с воплем схватился за рану. Николай толчком сбил его с ног и прижал коленом к земле. Неожиданно противник прохрипел:

– Я хорошо бился сегодня. Не отдавай меня им. Убей сейчас!

Ведущий шоу уже начал объявлять, что по древнему обычаю участь проигравшего решают зрители, когда Гомельский одним ударом перерезал горло гиганта. Кровь забрызгала его лицо и руки. На верхней площадке крепости синих стоял Бизон, держа в руках красный и синий флаги. Николай оглянулся вокруг – трибуны шумели, Гонт-Резовский что-то говорил. Гомельского вдруг замутило от разбросанных вокруг трупов и раненых гладиаторов, залитого кровью песка, отрубленных рук и голов. Арена неожиданно поехала в сторону, а земля вдруг встала перед ним на дыбы и больно ударила в лицо.

Глава 8

Он пришел в сознание уже в помещении, где они ожидали сигнала к началу схватки. В нос ударил неприятный запах нашатыря, принесенного доктором-андроидом. Ныло раненое плечо. Гомельский взглянул на руку и увидел белые ленты повязки. Он лежал на лавке, а рядом сидел перебинтованный Бизон, который, увидев, что Николай очнулся, весело подмигнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.